

Алина Лис

Путь гейши

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

Ей была уготована роль постельной утехи, дорогой послушной игрушки, живущей для того, чтобы отдаваться мужчинам. Но Мия не пожелала смириться с такой судьбой. Отстаивая право самой выбирать свой путь, она бежит из страны.

Куда приведет дорога маленькую гейшу? Быть может, как раз в объятия того, от кого она так отчаянно спасается бегством? Что выберет Ледяной Беркут при их следующей встрече — любовь или власть? Сможет ли переступить через предрассудки, навязанные традицией и воспитанием? И сможет ли Мия простить его за то, что он сделал?

Алина Лис

Путь гейши

© Лис А. Е., 2017

© Художественное оформление, «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

* * *

Часть первая
Возлюбленная ледяного беркута

Глава 1

Наперекор судьбе

«Квартал ив и цветов» тонул в сумерках. Загорались фонари. Круглые, обтянутые оранжевой и красной бумагой, они походили на огромные мыльные пузыри, заполненные живым сиянием. От реки тянуло прохладой, вечерняя дымка запуталась в ветвях вишневых деревьев, высаженных по центру главной улицы. Сквозь решетчатые стены веранд на землю косыми полосами падал свет.

Из-за стен слышался женский смех и звуки музыки.

Владелица самого дорогого заведения в столице бросила последний взгляд в окно. С высоты второго этажа вид был особенно хорош — подсвеченные снизу здания словно плыли по темным водам в окружении желтых и красных огней.

Еще одна ночь в веселом квартале, не отличимая от сотен тысяч других ночей. Смех, танцы, sake, распаленные мужчины, готовые без сожалений расставаться с серебром и золотом. Ночь — подруга гейши, обманщица, чаровница. Она завлекает, обещает мужчинам наслаждение, а взамен просит лишь немного денег.

Кстати, по поводу денег!

Госпожа Хасу решительно задвинула ставень и вернулась к бумагам и счетным палочкам. Баланс никак не желал сходиться, куда-то пропало почти двести серебряных момме, значит, снова придется проверять записи, выискивая ошибку.

Но стоило ей погрузиться в расчеты, как в дверь постучали.

— Госпожа, пришел даймё Такухати. — В огромных испуганных глазах юной гейши плескался страх пополам с любопытством.

Владелица «Медового лотоса» тяжело вздохнула. Она знала, что этого разговора не избежать, но все же надеялась найти беглянку раньше, чем Ледяной Беркут вернется в столицу.

— Проводи его ко мне, деточка, — велела она и мимоходом бросила взгляд в большое бронзовое зеркало у стены.

Безупречно, как всегда. Умелый макияж, изысканная прическа с дорогими украшениями, кимоно, которое не зазорно было бы надеть придворной даме. Да, видно, что не девочка, возраст не скроешь. Но это и неплохо — девочку бешеный даймё Эссо не стал бы слушать.

Он ворвался в комнату резко, чуть не снес дверь, как один из ледяных вихрей, которые приходили в столицу с его родного острова поздней осенью. Остановился напротив госпожи Хасу, сверкнув холодным голубым пламенем в глазах.

— Что это значит?! — почти прорычал генерал.

Госпожа Хасу степенно кивнула, предлагая гостю сесть.

— Здравствуйте, господин Такухати.

— Где Мия?!

Госпоже Хасу показалось, что вместе с этими словами на нее обрушилась ярость северного шторма. Она вцепилась в край кимоно, всеми силами стараясь не отвести взгляда. От дежурной вежливой улыбки свело щеки.

Гнев даймё был страшен. Если бы не годы, которые госпожа Хасу провела главой гильдии гейш, выступая послом, буфером и судьей в любых конфликтах между самураями и

«кварталом ив и цветов», она бы не смогла удержать на лице доброжелательную и безмятежную маску.

— Сядьте, — повторила женщина вежливо, но настойчиво. — Мия сбежала, господин Такухати. Уже больше недели назад. Я сообщила страже, ее ищут, но пока, к сожалению, никаких вестей.

Шторм разбился о скалу, Такухати отступил, и госпоже Хасу показалось, что на лице его на миг мелькнула растерянность и боль.

— Сбежала? — хрипло переспросил генерал. — Когда? Как?

— Сядьте, — снова ласково предложила госпожа Хасу, указывая на циновку. — Ну же!

Он послушно сел, сжимая кулаки в бессильной ярости, и госпожа Хасу снова, в которой раз, напомнила себе, что при общении с хищниками главное — не бояться.

— Что за бардак у вас с охраной? На девушке должны быть метки...

Первый шок от известия уже прошел, и в глазах даймё снова загорелось колючее синее пламя.

Госпожа Хасу выложила на низенький столик серебряную сережку в форме цветка лотоса.

— Вот, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Это нашли в сумке почтового курьера. Девочка хорошо подготовилась перед побегом, господин Такухати.

Мужчина поднес сережку к глазам, изучая. Скривился и бросил на стол.

— Барахло! Слишком легко снять. Почему не браслеты, как в школе?

Госпожа Хасу вздохнула. Она предчувствовала: то, что она сейчас скажет, сильно не понравится генералу.

— Мои гейши не бегут, господин Такухати. «Медовый лотос» — лучшее заведение во всей Оясиме, я никогда не обижаю своих деточек. И они знают, что нигде больше у них не будет такой легкой и сладкой жизни... да и не умеют ничего другого. Возможно, это мне следует спросить вас, что вы такого сделали, что Мия предпочла голод и неизвестность, лишь бы не проводить каждый вечер с вами.

Акио Такухати сжал челюсти. Проступили и заиграли желваки под кожей, в глазах вспыхнула ослепительная ярость.

Вспыхнула и погасла. Даймё тяжело выдохнул и отвел взгляд.

— Я говорила с ней днем, — продолжала госпожа Хасу, словно не заметив этого молчаливого протеста. — Мия была счастлива услышать, что вы выкупили ее на месяц. Она искренне раскаивалась в своем необдуманном отказе и собиралась умолять вас о прощении. И вот всего через сутки после вашего визита моя деточка сбегает с огромным риском для жизни. Я не хочу даже спрашивать вас, господин Такухати, что вы сделали, но поверьте — такими поступками женщину не завоюешь...

— Хватит! — резко оборвал ее генерал. — Я понял.

Несколько минут они молчали. Госпожа Хасу не торопила самурая. Она задумчиво рассматривала красивое мужественное лицо и пыталась представить, что произошло между генералом и гейшей той ночью.

Вряд ли что-то действительно ужасное. Синяки или неловкую походку, какая бывает после избиений, госпожа Хасу непременно заметила бы на следующий день — глаз наметан. А если не бил, чего убегать?

Слухи о клиентах в «квартале ив и цветов» расходятся мгновенно. Любителей жестоких развлечений владелицы чайных домиков знали поименно. За Такухати водилась разве что

любовь к шибари — не больно, не страшно и даже приятно. Девочки всегда вспоминали о ночах с генералом с мечтательным придыханием. Любая гейша в «Медовом лотосе» была бы рада приласкать Такухати и бесплатно, но он никогда не скупился на оплату и чаевые.

Ну, допустим, связал он ее! Было бы из-за чего переживать!

Дурочка эта Мия. Дурочка, не знающая ни жизни, ни мужчин. Ведь и слепому ясно — генерал совершенно потерял голову. Поведи себя с ним правильно — Ледяной Беркут не то что тебя выкупит, луну с неба достанет...

Наконец Такухати нарушил повисшую в комнате тишину:

— Ее нужно найти.

Владелица чайного домика развела руками:

— Побегу гейш редко, но случаются. Я известила стражу, но уже не надеюсь на добрые вести. Обычно беглянок или возвращают в течение первой недели, или не находят вовсе.

Он свел брови на переносице, отчего и без того хмурое лицо стало совсем сумрачным:

— Как их ищут?

— По всем провинциям рассылают описание. Но вам ли не знать, как неохотно даймё прислушиваются к приказам сёгуна, особенно в таких мелочах. В крупных городах легко затеряться, а в деревнях нет стражи.

Генерал скривился. На его лице было написано все, что он думает об этих методах поиска.

Владелица чайного домика вздохнула и добавила:

— Разумеется, я верну вам деньги, которые вы заплатили за этот месяц.

— Деньги? Ах да...

Мысленно госпожа Хасу назвала себя болтливой сорокой. Такухати так удивился, что было ясно — генерал совершенно забыл о деньгах, уплаченных за месяц вперед.

Ничего не поделаешь, слова-то сказаны.

Он криво ухмыльнулся, побарабанил пальцами по столику, словно что-то прикидывал, и посмотрел на женщину в упор.

— Вычти эту сумму из долга Мии и подготовь бумаги. Я выкупаю ее.

На мгновение госпожа Хасу почувствовала зависть. Глава гильдии гейш давно не верила мужским обещаниям, сама выбирала свою судьбу и уже многие годы пуще любых нежных признаний любила деньги, но в эту минуту она вдруг остро позавидовала молоденькой бесхитростной и наивной девочке.

Госпожу Хасу никогда так не любили.

Звезды потускнели, черный шелк небес вылинял до бледно-синего, и Такухати понял, что не уснет. Он рывком поднялся, подошел к окну, отодвинул створку, впустив в комнату холодный ночной воздух, напоенный весенними ароматами, и ткнулся лбом в стену.

Прохладный бамбук остудил разгоряченную кожу.

Всего полчаса, и пробудятся первые птицы, ликующий щебет понесется к небесам, возвещая начало нового дня. Пройдут по улицам столицы глашатаи, покатаются телеги с товаром в сторону рынка.

Скоро станет суетно и шумно, но пока над Тэйдо стояла особая предрассветная тишина.

Генерал любил эти мгновения покоя на границе ночи и дня.

Он вдохнул ночной воздух. Чего-то не хватало...

Сакуры?

Тонкий и нежный аромат, так раздражавший Такухати в эти короткие две недели. Время цветения закончилось, лепестки облетели и увяли, оставив в душе пустоту и тоску.

Он снова вспомнил испуганные, полные слез глаза, упрямое и обреченное «не хочу», нежную, пахнущую сакурой кожу под пальцами...

...и горькие рыдания после.

«Что вы такого сделали, что Мия предпочла голод и неизвестность, лишь бы не проводить каждый вечер с вами?» — зазвучал в ушах голос владелицы чайного домика, и Такухати скрипнул зубами.

Ему очень хотелось убить кого-нибудь.

Ми-я... Имя — перезвон колокольчиков, глоток сливового вина на языке, пьянящий и сладкий. Девочка-женщина, хрупкая статуэтка в мужских руках, сожми чуть сильнее — сломаешь.

...Сломал.

Нужно было остаться тогда. Выслушать все, что девочка хотела ему сказать. Но он был слишком зол. На нее — за то, что она принадлежала другим. На себя — за слабость, неспособность отказаться от продажной девки...

— Такие деньги за беглую гейшу? Ты в своем уме? — спросил Нобу, когда прочел объявление о награде за поимку беглянки.

— Тебя не спросили.

— А что скажет твоя будущая жена и твой тесть? — не унимался тот. — Горо это может не понравиться.

— И что?

Нобу отвел взгляд.

— Я думал, нам нужна поддержка клана Асано, — пробормотал он.

Акио с трудом обуздал раздражение.

— Я — даймё. И я не буду спрашивать совета у Горо Асано, что мне делать с моими женщинами, — процедил он. — Иди. И проследи, чтобы о награде знал каждый староста в каждой вшивой деревеньке.

Нобу поклонился, но задержался на пороге.

— А как же Хитоми? — горько спросил он. — Ты совсем забыл о ней, брат? А твои планы...

Генерал еле сдержался, чтобы не рявкнуть на младшенького. Служба в городской страже не пошла Нобу на пользу. Откуда эти трусоватые замашки и попытки поучать своего даймё по любому поводу?

— Не твое дело. Иди.

Плевать, что подумает будущий тесть или будущая супруга. Мию нужно найти.

Потому что без нее Ледяной Беркут не в силах заснуть до рассвета.

Но в одном Нобу прав: самое время вытащить Хитоми из дворца, а сволочь Асано тянет с обещанной помощью. Придется лететь на Кобу. Акио и так слишком долго откладывал.

Снова почти десять часов в воздухе. Дорога от Эссо заняла бы в пять раз меньше времени. Если бы Акио не сорвался в последний момент в столицу.

И можно врать самому себе сколько угодно, что прилетел по делам, что хотел увидеть брата.

Правда в том, что он прилетел сюда ради маленькой гейши. Прилетел, сам не зная, что сделает, когда ее увидит, — попросит прощения или снова грубо возьмет, обзывая шлюхой.

«Господин... я так рада вас видеть...»

Шесть дней и шесть ночей без нее и с ней. Она была рядом — в мыслях, воспоминаниях, в еле уловимом запахе сакуры — ханами на Эссо наступал позже, на ветках лишь зрели тугие нежно-розовые бутоны.

Шесть ночей без нее с навязчивым чувством вины.

Мия... Где ты сейчас?

Поскрипывало просмоленное дерево, за тонкой дощатой стенкой плескалась вода. Дракон Океан нес джонку на спине, обнимал, сжимая в кольцах, игриво стучался в борт. Мия закрывала глаза и видела его рядом. Как он лениво обтекает кораблик, косит на джонку — вполглаза, словно кот, караулящий мышь.

Кот был сыт и приглядывал скорее для порядка.

В крохотный тайник между двумя каютами не проникало ни малейшего лучика. Темнота, теснота. Мия слушала тишину, она говорила с девушкой на разные голоса. Тихий шелест волн, жалобное кряхтение дерева. «Ночная лисица» была немолода и жаловалась на возраст, словно ворчливая старушка.

Порой в привычную музыку жалоб вклинивались иные звуки — скрип ступеней, шлепанье босых ног по дереву. С негромким стуком панель отъезжала в сторону. Мия жмурилась и отворачивала лицо. Тусклый фитиль потайного фонаря для отвыкших от любого света глаз полыхал ярче полуденного солнца.

Капитан, ухмыляясь, подтрунивал над «послушником» и уходил, оставляя рисовые лепешки и кувшин с водой. Мия съедала безвкусный обед и снова проваливалась в сон, похожий на забытье.

В этом сне она скользила вокруг корабля верхом на драконе. И сам Дракон Океан — жуткий монстр, воплощение великой стихии, был покорен ее воле. Позволял дергать себя за длинные упругие усы, похожие на водные струи, выдыхал по команде хлопья пены, взлетал к небесам и нырял вниз, заставляя сердце Мии замирать от страха и восторга...

Она не знала, сколько времени провела в полузабытьи среди темноты и плеска волн. Иногда ей начинало казаться, что прошла уже тысяча лет, что в мире нет больше ничего — только непроглядная мгла тесного тайника и сладкие сны.

Волосы сперва щекотали шею, после отросли ниже плеч. Девушка хотела бы увидеть, как выглядит сейчас, но в ее крохотном мирке не было зеркал.

Будь воля Мии, она бы ушла целиком в сны, растворилась в шепоте волн, дыхании Великого Океана. Но ее тело — здоровое, молодое, полное жизни, — то и дело заставляло выныривать из забытья. Тело все время требовало чего-то — страдало от голода, жажды, мерзло, напоминало о естественных потребностях.

Приходилось просыпаться. Ночами пробираться на палубу, щурясь от слепящего света луны. Пугливо прижимаясь к борту, добираться до отхожего места, чтобы спустя пару минут торопливо юркнуть снова в безопасное и знакомое брюхо корабля.

Навстречу снам.

Дважды ей снился Джин. Эти сны были совсем иными, не похожими на грезы об Океане. Полные страсти, взаимных ласк, наслаждения, клятв и признаний в захлеб. Мия просыпалась, все еще ощущая прикосновение рук, жаркие поцелуи на коже. Вглядывалась, тяжело дыша, в безликую тьму перед собой и глотала слезы обиды.

Вспомнит ли Мию Джин, когда они встретятся? Захочет ли назвать своей, как клялся в

ее снах?

Погрузку закончили на рассвете. Последний ящик с последней повозки отволокли на корабль, и последние воины поднялись по сходням. С надлежащими заклинаниями и обращениями к богу вод был зарезан и отправлен на морское дно черный петух. Взбурлившая вокруг места погребения трупики вода подсказала, что божество благосклонно приняло жертву.

— Отплываем, ваше высочество?

Джин окинул взглядом три корабля самханского посольства, пытаясь понять, не забыл ли он что-то важное, и кивнул.

Сигнальщик поднес к губам медный рог, протрубил к отплытию. Засуетились, забегали матросы, поднимая якорь, отдавая швартовые концы. Корабли раскрыли оранжевые паруса, похожие на крылья нетопыря. Расписанные языками огня борта качнулись на темно-пурпурных водах.

Навстречу из океанских вод в нежно-розовой дымке вставало солнце. Где-то там, впереди, в паре недель пути Джина ждет Оясима. И Мия.

Там же ждет нежеланная невеста, от которой нельзя отказаться — клятву, данную на Сердце Огня, не нарушить. Но безвыходных ситуаций не бывает, надо лишь сделать так, чтобы Тэруко сама разорвала помолвку.

Ветер чуть толкнул в спину, надувая паруса, растрепал волосы, и Джин рассмеялся от переполнявшего душу совершенно детского восторга.

— Отправь сикигами, — велел он младшему атташе. — Пусть сёгун готовится к приему гостей.

В покоях госпожи кто-то был. Хитоми замерла, вслушиваясь в голоса.

— Я сказал: выйдешь замуж! Так нужно для Оясимы, и я не желаю слушать твое нытье! Посольство уже отплыло. Через две-три недели мы будем принимать гостей, и ты не опозоришь наш род перед самханскими выскочками! Ты поняла меня, Тэруко?

— Я поняла вас, дорогой брат. — Ровный, лишенный любых эмоций голос подсказывал, что подруга и госпожа Хитоми пребывает в ярости. Девушка невольно съежилась, представляя себе ее лицо сейчас — фарфоровая маска, красивая и неживая. — Вы, не подумав, влезли в войну, которую с позором проиграли, и теперь хотите откупиться мною. Интересно, согласились бы вы в оплату за мир стонать под бесталанным, лишенным магии ничтожеством?

— Заткнись! — Голос сёгуна походил на шипение змеи.

Раздался звук борьбы и короткий девичий вскрик. Леденя от ужаса, Хитоми приникла к щели между деревянными панелями.

Сёгун удерживал двоюродную сестру над полом, сжимая ее горло. Девушка беспомощно раскрывала рот, пытаясь глотнуть хоть немного воздуха.

Вот пальцы Тэруко легли поверх душащих ее рук. Хитоми поняла, что сейчас последует, и вцепилась зубами в ладонь, чтобы не закричать.

«Не надо! — мысленно уговаривала она принцессу. — Пожалуйста, госпожа! Вам не справиться с ним!»

Сёгун чуть ослабил хватку.

— Ты забываешься, Тэруко, — прорычал он. — Дядя мертв, никто больше не станет

терпеть твои капризы. Я — глава рода и верховный военачальник Оясимы. А ты будешь молчать и слушаться, как положено женщине.

Он разжал руки, и девушка отшатнулась от него, растирая горло. На ее красивом и гордом лице мелькнуло выражение крайнего отвращения, а потом снова застыла высокомерная отрешенность.

— Ты поняла меня, Тэруко?

— Я поняла вас, — хрипло ответила принцесса.

Хитоми еле дождалась, пока он покинет покои, чтобы отодвинуть дверь.

— Госпожа!

— Хитоми... — Последняя из рода Риндзин повернулась к своей любимой фрейлине. Сейчас, когда сёгун ушел и больше не было необходимости сдерживаться, на лице Тэруко проявились по очереди гнев, возмущение, презрение и снова гнев. — Ты слышала?

— Слышала, госпожа. — Хитоми хотела бы ободрить и утешить принцессу, но Тэруко Ясуката не нуждалась в утешении.

Она схватила вазу — трехсотлетний самханский фарфор, и со злостью запустила ею в стену. Не удовлетворившись этим мимолетным разрушением, принцесса зашагала по комнате туда и обратно. На бледной шее красными пятнами горели отметины от пальцев сёгуна.

— Он продал меня! Откупился, собачий сын! — бормотала девушка, как в лихорадке. — Отдал уроду. Ненаследный принц! Конечно, Шину так выгодно. О, я готова поспорить на свое право править, он никогда не выдал бы меня ни за кого другого, кто может занять его место. Только Хо-Ланг-И Аль Самхан! Конечно, — она повернулась к Хитоми, дрожа от ярости, — ко мне трижды сватались даймё, Хитоми! Сильные, полноценные мужчины! Правитель Вангланга засылал послов, предлагая в мужья своего младшего сына — чем плохи дети камня? Ничем! Но Шин слишком трясется за свое место, как любой самозванец. Он отдаст меня только жалкому неудачнику, который никогда не сможет править!

— Госпожа, тише! — зашептала Хитоми, оглядываясь в ужасе. Не хватало еще, чтобы до правителя дошел слух о крамольных речах двоюродной сестры. Сёгун и за меньшее вырывал языки.

Тэруко остановилась, тяжело дыша, и Хитоми снова невольно залюбовалась принцессой.

Даже сейчас, в момент наивысшей ярости, Тэруко Ясуката была необычайно красива. Гнев не уродовал ее черт, только придавал живой блеск глазам цвета вишневых ягод. Сердито сдвинутые брови и сжатые губы лишь подчеркивали женственность девушки.

— Я не хочу, Хитоми, — с отчаянием прошептала принцесса. — Не хочу принадлежать убогому, слабому! Моя мать — принцесса Риндзин. Я — последняя, в ком течет кровь повелителей драконов. Зачем мне муж — не воин? Мужчина, который никогда не был в бою, разве может он зваться мужчиной? То ли дело твой брат... — Голос девушки дрогнул.

Хитоми вздохнула. Она понимала и разделяла чувства подруги, но все же попыталась утешить ее:

— Говорят, принц хорош в дипломатии.

— Дипломатия? Ха! — Девушка презрительно встряхнула головой. — Дипломатия для трусов!

Она еще раз прошла по комнате, медленно успокаиваясь. Потом повернулась к Хитоми.

— Отец предупреждал: этот мир принадлежит мужчинам. И каждый будет стремиться использовать меня, уже потому что я женщина. Он берег меня, пока был жив, Хитоми. Но теперь его нет, и я должна сама о себе позаботиться. А ты мне поможешь!

— Но что мы можем сделать? — возразила девушка. Возразила слабо, больше для порядка.

Целеустремленность и всепокрушающий напор подруги уже увлекли Хитоми — снова, и не сосчитать в который раз. Сестра сёгуна обладала неженским упорством и силой воли. Казалось, она вовсе не знала слова «сомнение». Пожелав чего-то, Тэруко не останавливалась, пока не получала это.

Злорадная улыбка промелькнула на лице принцессы.

— Мы заставим самханца отказаться от свадьбы!

Глава 2

Дракон океан

Тих ночной океан. Легкий ветер гуляет над водой, наполняет паруса, подталкивает корабль со стороны кормы. Цукиёми-но-ками — повелитель приливов и отливов — наполовину отвернул свой лик от мира людей, но палуба в бледном свете его лучей все равно как на ладони.

Мия вдохнула запах моря. После тесного и затхлого трюма он пьянил сильней sake. Лунный свет серебристыми рыбками плясал на волнах. Джонка шла мягко, покачиваясь, словно колыбель, вверх-вниз...

Девушка еще раз глотнула морской воздух и поняла, как опротивел ей тесный тайник в трюме. Вместо того чтобы пригнуться, пробежать несколько шагов и нырнуть в нутро корабля, она шагнула к борту.

Пять минут — не больше! Она постоит тут только пять минут.

Ветер шаловливо растрепал отросшие пряди. Сколько же они плыли, если волосы почти прикрывают лопатки?

А действительно, сколько времени она в пути?

Дайхиро предупреждал, что кормить ее будут раз в сутки. Капитан приносил еду трижды. Неужели они плывут только три дня? А кажется, что прошла целая вечность!

Осталось всего полторы недели — и Самхан...

— Все драконы Ватацуми-но-ками мне в корму! Вот так подарочек прислали морские демоны!

При звуках знакомого сиплого голоса внутри Мии что-то оборвалось, в животе заледенело и начало крутить. Пальцами она до боли впиалась в дерево борта. Молясь про себя, чтобы все это было сном, навеянным океаном кошмаром, девушка обернулась.

Лунный свет отразился от выскобленного до почти зеркальной гладкости черепа. Капитан «Ночной лисицы» предпочитал брить голову наголо, словно буддистский монах, но короткую щеточку усов над верхней губой не трогал. По массивному лицу расплылась полная предвкушения улыбка.

— Какой хорошенький послушник! Проезд на моем корабле стоит денег, крошка.

— Я уже заплатила вам, — с безнадежным отчаянием прошептала Мия, но капитан только ухмыльнулся.

— Для женщин дороже.

— Я дам вам денег... потом, когда приплывем.

— Не верю в долг.

Она попыталась сделать шаг в сторону, чтобы обойти его, но капитан тоже сместился и встал на ее дороге.

— Куда ты, сладенькая? — спросил он, довольно оглядывая свою добычу. — В трюме тесно и холодно. В моей каюте всяко удобнее будет.

— Нет, спасибо, господин. — Голос окончательно перестал повиноваться.

Не уйти, не скрыться. Она одна посреди моря, в окружении мужчин, которые не слишком-то привыкли соблюдать законы. Ни друга, ни защитника. Можно сколько угодно кричать и вырываться, но, даже если матросы прибегут на крик, разве кто-нибудь пойдет ради нее против капитана?

Мия почувствовала, как ее начинает колотить крупная нервная дрожь. Она сделала еще одну безуспешную попытку обойти мужчину, но тот снова встал у нее на пути.

— Я сказал — пойдешь со мной в каюту, — с угрозой в голосе произнес капитан. — Или хочешь, чтобы я тебя прямо здесь разложил?

Она сглотнула и покачала головой, глядя на мужчину снизу вверх расширенными от ужаса глазами.

— Так-то лучше, — довольно произнес он. — Будешь орать — придется поделиться с ребятами. Тебе же этого не надо?

Мия снова покачала головой. Ей хотелось завизжать или разрыдаться от ужаса, но она молчала.

Правильнее будет покориться. Если она ему понравится, может, он не отдаст ее потом команде.

Мерзость... какая невозможная мерзость! Хуже, в сотни раз хуже того, что было с ней в чайном домике в последний визит Акио Такухати. Неужели свободная жизнь начнется с того, что Мии придется ублажать насильника? Разве не от этого она сбежала?

Трюм из безопасного убежища в одно мгновение превратился в черную яму, на дне которой ожидали унижения и страдания. И надо бы послушаться, спуститься за мужчиной вниз, пока их не приметил никто из команды, но Мия не в силах была заставить себя смириться и сделать эти несколько шагов.

Добровольно — никогда!

Капитану надоела возня. Он протянул мозолистую ручищу, сцапал девушку за отросшие пряди и подтянул к себе, заставив жалобно вскрикнуть.

— Ну что ты пищишь? Сейчас набегут же, — бормотал он, торопливо шаря руками по ее телу. — Давай вниз! Или я тебя унесу...

Мия отвернулась от него и зажмурилась, дрожа от отвращения. Ей казалось, ее тело омывают волны бессильной ярости и страха. Все внутри восставало против неизбежного насилия, требовало наказать, покарать негодяя.

Обычно мягкая и добрая, она вдруг ощутила сильнейший гнев на собственную беспомощность, неспособность постоять за себя. Неужели так будет всегда и судьба Мии становиться покорной игрушкой любого мужчины, который пожелает ею обладать? Неужели никак не возможно ответить на насилие?!

Будь у Мии кинжал в руках, она бы ударила капитана.

Словно отзываясь на ее гнев, в морских глубинах что-то глухо зарокотало.

— Что за... — Капитан, пытавшийся одновременно раздеть Мию и увлечь в темное нутро корабля, оторвался от девушки и насторожился.

«Ночная лисица» странно вздрогнула, резко съехала вниз, словно по скользкой горке... Мия не удержалась на ногах, пробежала пару шагов и упала на колени.

Внизу забурлила вода. Океан зашипел, как сотня тысяч змей одновременно, и этому шипению вторили крики ужаса с кормы. Устоявший во время качка капитан поднял голову и вдруг съежился, словно вдвое уменьшился в размерах, а потом бухнулся на зад и пополз, не отрывая глаз от черного неба. С губ его срывались беспорядочные мольбы к богу моря Сусаноо.

Мия проследила за его взглядом и обмерла. Над джонкой завис Дракон Океан — совсем такой, как в ее снах. Длинный нос, похожий на нос хищной рыбы, разъявленная пасть, острые клыки в хлопьях белой пены и гибкие усы, сотканые из водных струй.

На мгновение время застыло. Мия и дракон всматривались друг в друга — настороженно, с опаской. Девушка почувствовала, как трепыхнулось и замерло в груди сердце. Дракон был знаком ей не только по снам. При взгляде на него она ощутила странное чувство узнавания, подобное тому, какое испытывала, разглядывая себя в зеркале.

Его безудержная, первобытная мощь привлекала и пугала. Мии казалось, она ощущает незримые, но прочные сети, что сдерживали дикий порыв изначального чудовища, не давали ему не знающей преград волной пройти по Благословенным островам, чтобы слизнуть, раздавить, уничтожить крохотных людишек вместе со всем их жалким имуществом.

Дракон хотел этого. Мия почувствовала его жажду.

«Рано, — беззвучно сказал дракон. — Пока еще рано».

И обрушился на кораблик.

— Не спится, ваше высочество?

— Я слышал странный звук.

Будто подтверждая его слова, по воде снова прошел грохот, напоминающий утробное рычание огромного хищника. Корабли закачались на внезапно усилившихся волнах.

— Море, — матрос пожал плечами, — здесь часто можно услышать и увидеть странное, ваше высочество.

Джин шагнул к борту. Ходящие волны за кормой неприятно напомнили ему тугие змеиные кольца. Снова скользнуло где-то по краешку сознания гадкое ощущение чужого пристального взгляда в спину. Дремлющий в глубинах души демон насторожился и шевельнул ухом.

«Это все морок, — напомнил себе Джин. — Шепот голоса крови, не больше».

Все отпрыски фамилии Аль Самхан неуютно чувствовали себя на воде, и Джин не был исключением. Он плохо спал на кораблях и частенько просыпался от кошмаров, в которых его душил и уволакивал на дно гигантский кракен или раздирали на части акулы. Во сне Джин пытался призвать демона, но пламя гасло, погребенное в толще вод.

Он просыпался в мокрой от пота постели с отчетливым ощущением, что это — предупреждение. Ревнивый морской бог неохотно терпел на своей территории детей огня.

Чтоб ему сдохнуть, змею морскому!

Сегодняшняя ночь подарила особо пакостное видение. В нем гигантский дракон вставал из морских глубин и нависал над хрупкой фигуркой на палубе. Джин запомнил мешковато сидящую одежду послушника, ужас в широко распахнутых глазах и собственный бестолковый крик: «Мия!»

Приснится же такое... Мия сейчас в безопасности, в доме агента Ёшимитсу. Скоро, всего две-три недели, — и Джин сможет увидеть и обнять ее.

Он дождался, пока матрос уйдет, и вынул нож, чтобы надрезать руку. Красная кровь казалась черной в лунном свете.

— Не обижай ее, — попросил Джин, простирая ладонь над морскими волнами.

Капли упали, разбились о блестящую черную поверхность. Море довольно зашипело и слизнуло подношение. Отданная добровольно сила — редкое лакомство.

Джин усмехнулся и покачал головой. В кого он превратился? Поверил дурному сну, словно мнительная старуха.

Но дар поднесен, и Джин не станет жалеть о нем. Глядишь, Ватацуми-но-ками и правда смилостивится как-нибудь к его любимой...

Раскрылась шире пасть. Дракон вскинул голову с победным ревом, сжимая в зубах

добычу. На мгновение джонка воспарила над морскими волнами, словно пыталась улететь...

Клыки сомкнулись, сминая борта, будто ореховую скорлупку, круша мачты, раздирая паруса. С криками ужаса капитан, матросы и обломки «Ночной лисицы» полетели вниз. Туда, где могучие потоки воды сливались в клокочущий водоворот.

Мии повезло. Торчавший над страшными клыками ус обвился вокруг ее запястья, захлестнул руку и удержал от падения. Понимая, что это единственный шанс выжить, она вцепилась в подвернувшуюся опору обеими руками и повисла у края морды.

Ус дергался, выворачивался из рук — скользкий, гладкий, совсем как во сне. Но наяву дракон не торопился повиноваться воле Мии. Он шумно выплюнул облако белой пены, нырнул в толщу вод и устремился куда-то огромной волной — неудержимой и страшной. И девушка устремилась вместе с ним, ощущая себя не удалой наездницей, но репейником, приставшим к собачьему уху.

Ее мотало вверх и вниз, то окунало с головой в горькую соленую воду, то подбрасывало. Небо и море менялись местами, вода заливала глаза, и невозможно было что-то разглядеть в бурлящих переплетениях струй, в ночном бескрайнем море, где темные небеса переходили в такие же темные воды. Осталось только ощущение невероятной скорости, падения, полета сквозь мокрую тьму. Вода заливала нос, не давала дышать, а когда дракон выныривал на поверхность, ветер облизывал Мию, выдувая остатки тепла. Уже почти не чувствуя озябших рук, она цеплялась за драконий ус и уговаривала себя держаться.

Разжать пальцы посреди океана означало смерть. Мия хотела жить.

Глава 3

Разбитый корабль

— Вы еще не спите, госпожа?

Тэруко оторвала взгляд от расстеленной прямо на циновке карты Самхана и тепло улыбнулась своей любимице.

— Не сплю. Мне наконец принесли подробный отчет о сражении в Огненной долине. Пытаюсь повторить его. — Она кивнула на карту, где поверх вычерченного рельефа местности располагались миниатюрные фигурки воинов. Конные, лучники, пехотинцы. Каждый воин означал отряд в тысячу самураев. Вырезанные из бумаги стрелки показывали направление движения армейских частей.

Карту и фигурки Тэруко подарил отец. Он же научил дочь составлять и анализировать планы сражений. Принцесса мнила себя неплохим стратегом и частенько предавалась этому неженскому занятию втайне от деспотичного двоюродного брата.

— Три часа ночи, — с упреком сказала Хитоми. — Вы же хотели с утра на тренировку.

Тэруко фыркнула:

— Не превращайся в няньку, Хитоми. Тебе это не по возрасту. Тренировка переносится на вечер, Шин повелел устроить учения для дворцовой стражи.

— Но как же... — Фрейлина замялась.

— В три часа пополудни Шин отбывает на праздник в храм почти со всей охраной. — Принцесса снова фыркнула. — К счастью, я не обязана его сопровождать. Шин не хочет лишний раз напоминать вассалам о моем существовании. Капитан, охраняющий зал, любит золото, он будет молчать.

— Это рискованно, — с упреком сказала Хитоми, но девушка только отмахнулась.

— Что он мне сделает, даже если узнает? Ты лучше посмотри на карту!

Подруга покорно посмотрела и пожала плечами:

— Простите, госпожа. Вы же знаете, я ничего в этом не понимаю.

— Я тебе объясню! — с энтузиазмом откликнулась принцесса. — Смотри, фиолетовые — это наши воины. Красные — самханцы. Видишь, они все в горах. Это была ловушка, Хитоми! Генерал Такухати подозревал неладное, но Шин, — она произнесла имя сёгуна с великолепным высокомерным презрением, — приказал занять долину, угрожая казнью за измену в случае неповиновения.

Хитоми нерешительно склонилась над диспозицией. Самханские войска были разбросаны по всей горной гряде. Их основу составляли лучники, в то время как армия Оясимы состояла преимущественно из кавалерии и пехоты.

— А тигр? — Палец девушки ткнул в оранжево-полосатую фигурку посреди вражеской армии.

— Это наследный принц Аль Самхан. Он разбудил вулканы вот здесь, здесь и здесь.

Тэруко указала на горы, отмеченные красными фишками. Красные стрелки, перекрывшие войскам Оясимы путь к отступлению, символизировали потоки лавы.

— Ума не приложу, как генерал Такухати сумел спасти две трети армии, — задумчиво произнесла девушка. — Твой брат совершил невозможное, Хитоми. О таких деяниях слагают легенды, а Шин наградил его позором и изгнанием.

Она благоговейно погладила вырезанную из кости фигурку полководца, преграждавшую

путь рекам пламени. Перед мысленным взором Тэруко кипел огненный ад — почерневшая расколота земля, клубы едкого серого дыма и одинокий воин, вставший на пути стихии, чтобы защитить своих людей.

Конечно, принцесса помнила, что рядом с Такухати стояли и другие. Отпрыски сильнейших родов, лучшие из лучших. Многие так и остались на огненных полях Самхана. Война пожрала их, не вернув родным даже горсти праха для достойного погребения.

Иные сумели выжить — опаленные, выгоревшие дочиста. Встречая порой в коридорах дворца ветеранов осенней кампании, девушка отводила взгляд — слишком уж жуткими казались их обожженные лица и навсегда почерневшие глаза.

В отчете говорилось, что генерал тоже был среди них, но сумел вернуть магию. Восторженный вздох сорвался с губ девушки. Как бы она мечтала встать там, чтобы прикрыть спину достойному! Будь Тэруко рядом, она бы не позволила ни пламени, ни вражескому клинку коснуться полководца.

Она представила, как защищает его от вражеских атак, пока тот сдерживает пламя. Как бросается наперерез стреле, пущенной предательской рукой, и медленно падает, а генерал подхватывает ее, сжимает в объятиях, зовет по имени, умоляя не оставлять его, и даже зажмурилась от удовольствия.

Голос фрейлины вырвал принцессу из сладких грез:

— Мой брат — самый лучший!

Хитоми произнесла это с детской гордостью и абсолютной уверенностью в правоте собственных слов.

Даже сама богиня Аматаэрасу не сумела бы убедить сестру даймё Такухати в обратном.

Она ни на мгновение не обманывалась его напускной суровостью. Он был для нее всем сразу: даймё, обожаемым братом и даже строгим, но любящим отцом, в противовес отцу родному, от которого девочка чаще получала попреки и тумачи. Хитоми росла со знанием, что для старшего брата не существует невозможного. Рядом с ним она не боялась ничего и никого, он способен был защитить Хитоми от всего мира...

— Самый сильный и самый добрый. Он прислал письмо.

В глазах Тэруко заплясали пурпурные искорки.

— Прочтешь мне? — Голос принцессы на этих словах подозрительно дрогнул.

— Конечно.

Брат никогда не писал в письмах чего-то секретного или личного. Специальное охранное заклинание не пускало духов-сикигами на территорию дворца, а официальная почта просматривалась службой безопасности, о чем и Хитоми, и Акио прекрасно знали.

Она развернула свиток. Всего несколько сухих строчек. Приветствие. На Эссо все хорошо. Сёгун не дал разрешения посетить женскую половину дворца и не позволил Хитоми покинуть территорию принцессы даже для свидания с братом.

«Обещаю — это временно. Мы скоро увидимся». — На этих строках письмо обрывалось. Внизу стояло три иероглифа — имя. И короткая завитушка вместо подписи.

Хитоми представила, как Акио окунает кисточку в тушь, как выводит послание по военному четкими скупыми движениями, и на миловидном личике девушки мелькнула счастливая улыбка. Она даже не удержалась и украдкой поцеловала исписанную иероглифами бумагу.

— Счастливая ты, — тихо вздохнула принцесса. — У тебя такой брат, а я совсем одна после смерти папы... Все улыбаются, но любой рад толкнуть или воткнуть нож в спину. И

езде шпионы Шина.

Она печально вздохнула и поникла, отвернувшись к стенке. Хитоми всплеснула руками и бросилась утешать подругу.

— У вас есть я, госпожа, — бормотала она, обнимая Тэруко за плечи. — Клянусь, я вас не брошу! Что бы ни случилось!

— Так что насчет Хитоми? Когда ты выгацишь ее из этого гадюшника?

Спокойнее, надо быть спокойнее.

Акио выдохнул и отвернулся от собеседника. Уставился на петляющую между скал тропинку и бескрайнее небо, сливающееся у горизонта с таким же бескрайним морем.

Горо откровенно нарывался. Вчера вечером отказался обсуждать вопрос, ссылаясь на поздний час и усталость гостя после долгого перелета. С утра уводил разговор в сторону. Ныл про высокие налоги, намекал на льготы.

Потом предложил прогуляться — мол, деловую беседу лучше вести там, где ее никто не сможет подслушать. И вот теперь уже полчаса распинался, критикуя бездарную политику клана Кумаэ.

Надоело.

Уже не пытаюсь изображать из себя дипломата, Акио оборвал разглагольствования коротким и грубым вопросом.

Пусть поможет, прежде чем выпрашивать что-то.

Наместник послал в сторону генерала укоризненный взгляд, тяжело вздохнул и наконец сдался:

— Потерпите всего два дня, мой друг. К завтраку мои люди доставят вашу прелестную сестру в городскую резиденцию Такухати.

Этот ответ не удовлетворил генерала:

— Я хочу знать подробности.

Горо издал еще один душераздирающий вздох — он не любил делиться сведениями. Искоса глянул на будущего зятя — нет, заморочить ему голову не получится.

Жаль, жаль. Репутация генерала сыграла с главой клана Асано злую шутку. Горо посчитал Ледяного Беркута человеком прямолинейным, сильным, но недалеким. Идеальный сёгун, будущая ручная зверушка Горо Асано.

Но Такухати оказался умным, упертым и себе на уме. К тому же под напускным спокойствием генерала Горо то и дело ощущал всплески злости, похожей на порывы штормового ветра. И вспоминал легенды о северной земле Торфуту, где правили дальние потомки бога зимы, ветров и метелей, до того как сошедшие льды не выгнали их с обжитых земель и не заставили принести вассальную клятву императору Благословенных островов.

Неудобный союзник получился из генерала. Опасный, неуправляемый.

— Мой человек будет во дворце послезавтра. По утрам фрейлина спускается в сад, чтобы нарвать цветов для принцессы. Мой человек усыпит ее, отнесет на кухню и вывезет на подводе, которая доставляет продукты.

Акио задумался. План был хорош. Не без слабых моментов, но хорош — продуманный, логичный. И, что особенно важно, почти не содержал в себе риска для Хитоми.

— Годится. Как зовут твоего человека?

— Ах, мой друг, я предпочел бы не называть его имени. Сами знаете, как рискованно в наше ненадежное время рассказывать о своих знакомствах...

Вопреки ожиданиям Горо Такухати не стал настаивать, и это насторожило толстяка.

Видимо, и так догадывается, о ком речь. Плохо.

Эх, выкрасть бы девчонку да увезти «погостить» на Кобу. Генерал сестру любит — видно, что любит. Глядишь, стал бы сговорчивее.

Жаль, не получится. Пути от Тэйдо до Кобу больше недели. Сначала по суше, потом на корабле. Такухати на фэнхуне в два счета догонит людей Горо. Отобьет сестру, увезет на Эссо, да еще и компенсации потом потребует.

Нет, придется играть честно.

— Завтра утром я возвращаюсь в столицу, — сообщил генерал.

— Ах, мой друг, неужели вы погостите у нас так недолго?! — с преувеличенным отчаянием в голосе воскликнул наместник. — А как же плавание по окрестностям Кобу? Как же праздничный ужин...

— В другой раз.

Горо снова разразился сетованиями — больше для порядка. Уезжает, и ладно. Потом поговорим, когда генерал будет чувствовать себя должником.

Тропинка под ногами вильнула, огибая скалу, вывела к побережью. Внизу, на покрытом галькой пляже лежал остов корабля и виднелось несколько человеческих фигурок.

Горо оборвал свою речь на полуслове и подался вперед, вглядываясь вниз.

— Что там? Похоже на кораблекрушение.

— Оно и есть, мой друг. — Губы наместника расплылись в предвкушающей улыбке. Он фальшиво вздохнул. — Ах, в это время года мореходам следует быть особенно осторожными. Иначе можно лишиться не только груза, но и жизни.

По закону Оясимы все, что морские волны выносили на берег, принадлежало владельцу этого берега. Иные острова, удачно расположенные возле отмелей и коварных рифов, почти полностью жили с таких «даров моря».

— Подойдем ближе, посмотрим, что на этот раз принесли нам волны? — с энтузиазмом предложил Горо.

Акио пожал плечами. Мыслями он уже был в Тэйдо. Подготовить все к немедленному отлету, как только сестра окажется с ним. И Нобу... Позаботиться, чтобы мальчишка тоже сумел уехать. Хорошо, что брату разрешено покидать казарму — сволочь Ясуката прекрасно понимал, что младший Такухати никуда не уйдет без Хитоми.

Они спустились по крутому склону. Толстяк-наместник катился впереди, резво перебирая короткими ножками, и в итоге умудрился обогнать своего спутника.

Вблизи корабль выглядел совсем плачевно. Расписанные огнехвостыми лисицами борта прочерчивали глубокие борозды, словно джонку попробовал на зуб гигантский морской хищник. В четыре симметрично расположенных вдоль носа и кормы отверстия вполне мог пролезть взрослый человек, и Такухати мимоходом удивился, что корабль не затонул с такими повреждениями.

Должно быть, всему виной утренний шторм. Рев моря и вой ветра разбудили Акио около шести утра. Генерал выглянул в окно и порадовался, что не стал откладывать вылет. Попасть в шторм на фэнхуне посреди моря означало почти верную смерть и для птицы, и для наездника.

Разбиравшие добычу люди оказались самураями клана Асано. Увидев Горо и Акио, они поклонились:

— Господин Асано! Даймё Такухати!

— Что с грузом? — жадно спросил толстяк, потирая руки.

— Полные трюмы, — отозвался жилистый молодой мужчина, в котором Акио узнал племянника Горо. — Попорчен водой, но часть удалось спасти.

— Прекрасно! — Наместник даже зажмурился от удовольствия и мысленно поблагодарил дракона морей за неожиданный щедрый дар.

— Из команды и пассажиров, похоже, никто не выжил, — продолжал мужчина. — Кроме нее.

Акио проследил за его взглядом и увидел мокрый комочек, кутавшийся в выброшенную каким-то доброхотом на плечи куртку-хаори. Потерпевший кораблекрушение выглядел жалко. Слипшиеся сосульками влажные волосы закрывали лицо. Мелькнул рукав шафранового одеяния, какое носили служители Будды. По-детски тонкие запястья, ухоженные изящные руки.

Юноша, а может быть, девушка откинула назад мокрые пряди, и на Ледяного Беркута уставились самые прекрасные в мире глаза. Два темных омута, на дне которых прячется звездный свет. Уже много недель он каждый день вспоминал эти глаза.

— Ой... — еле слышно прошептала девушка. — Господин Такухати? Это снова сон, да?

Мокрая ткань неприятно липла к коже. Болели руки. Тело ломило, по нему пробегали волны жара, которые сменялись ознобом. Таким сильным, что лязг собственных зубов отдавался в ушах подобно рокоту боевых барабанов.

Мир расплывался, съеживался, шел волнами, словно Мия смотрела на него через струи воды. Какие-то люди сновали рядом, что-то спрашивали. Мия не отвечала. Куталась в накинутую на плечи куртку и молчала. В голове не было ни единой мысли, стоило прикрыть глаза, как она снова ощущала под пальцами верткий ус дракона. И казалось, что неведомая сила все еще несет ее над волнами, с размаху приподнимает и бьет о воду, протаскивает сквозь соленую толщу, чтобы снова вздернуть к небесам.

Кто сказал, что вода мягкая, пусть сам покатается на драконе!

Голоса над головой заставили ее поднять голову и откинуть волосы назад.

Знакомое лицо — красивое и жесткое. Недобрые синие глаза. Человек, от которого Мия сбежала. Но он должен быть в Тэйдо!

Это сон... просто сон, как она раньше не поняла?

Только почему так холодно?

Мия закрыла глаза, бессильно опустилась на гальку и изо всех сил пожелала проснуться.

Глава 4

Поединок

Это было похоже на один из тех навязчивых снов, в которых он искал, находил и снова терял Мию.

Акио почувствовал, что задыхается, словно куда-то пропал весь воздух. Все, кроме озябшей и промокшей девушки, стало вдруг незначительным, неважным. Генерал шагнул к ней, не отрывая глаз от хрупкой фигурки, страшась даже моргнуть — вдруг, если отвести взгляд, она исчезнет?

— Ах, мой друг, это же та самая крошка-гейша, которую ты перекупил у меня на мидзуагэ. Я все хотел зайти к матушке Хасу, чтобы попробовать ее, но так и не собрался. Так она сама прибежала. Чувствую, сегодня вечером мы отлично развлечемся...

Голос Горо заставил генерала очнуться. Он резко обернулся, испытывая нестерпимое желание ударить будущего тестя.

— Нет.

Брови толстяка озадаченно скакнули вверх.

— Не хочешь разделить со мной малютку? Ладно, думаю, я и сам сумею сделать так, чтобы девочка не скучала.

Он захихикал. Акио стиснул кулаки так, что свело пальцы.

Боль привела в чувство. Нельзя ссориться с Асано. Не сейчас, не время...

Но стоило представить, как толстяк прикасается к Мии, как разум, логика и хладнокровие отступали. Оставалось только звериное бешенство и готовность защищать свою женщину до последнего.

— Ты не тронешь ее.

Горо нахмурился:

— Ты не слишком-то вежлив, мой друг. Напоминаю, что девочка принадлежит мне.

— Не тебе. Я выкупил ее долг.

Мия жалобно застонала, и генерал бросился к ней, забыв о наместнике.

Одного взгляда хватило, чтобы понять — девушка очень больна. Она дышала неглубоко и хрипло, ее била крупная дрожь, а ее кожа показалась Акио слишком холодной и влажной.

Он погладил ее по щеке, мимоходом влив толику магии, и позвал:

— Мия!

Знакомый властный голос выдернул Мию из жарких волн беспомощности. Она почувствовала тяжесть ладони на лбу и открыла глаза.

Склонившийся над ней мужчина был врагом, мучителем. Но сейчас на его лице читалась неподдельная тревога и забота.

— Господин Такухати, — обметанные солью губы едва шевельнулись, — простите меня. Я не хотела...

— Держись, — не попросил, но приказал Акио, вливая в девушку еще исцеляющей силы.

Мия прижалась щекой к ладони. Прикосновения его рук отгоняли беспомощность, несли успокоение, унимали могильный, пробирающий до костей холод.

Мужчина скинул куртку, укутал и поднял Мию. Она прижалась к нему, чувствуя, как отступает озноб. Все хорошо. В его объятиях так спокойно...

Визгливый голос откуда-то со стороны снова вернул Мию к реальности:

— Мой друг, нехорошо трогать чужую собственность. Оставь девочку, мои люди позаботятся о ней без тебя.

И гневное сквозь зубы в ответ:

— Она не твоя!

Нельзя спать! Происходит что-то важное...

Девушка разлепила мокрые от морской воды ресницы, перевела взгляд на обладателя визгливого голоса и снова задрожала. На этот раз не от холода.

Тот самый толстяк, который торговался с Такухати в ночь мидзуагэ! Кривится недовольно, а в глазах горит злое оранжевое пламя.

Чего он хочет и почему так сердится на Мию?

Тэруко завязала узел на хакама, посмотрела на себя в зеркало и удовлетворенно кивнула. Широкие штаны скрадывали линию бедер, под свободной курткой не было видно туго забинтованной груди. Мужская прическа — собранные в хвост на затылке волосы — довершала образ.

Юноша получился, пожалуй, излишне миловидный. Такой, приди он в додзё, непременно навел бы любителей молодого тела на определенные мысли. Но ей в додзё не надо.

Подойдя к стене, принцесса привстала на цыпочки и зашарила по ней в поисках той самой панели. С тихим щелчком часть стены, расписанная райскими птицами, подалась в сторону.

Тэруко обернулась:

— Хитоми, ты идешь?

— Конечно, госпожа!

Они прокрались по узкому до невозможности коридору, замирая, когда из-за настенных панелей слышались шаги или голоса других обитателей замка.

Императорский дворец хранил множество тайников, известных лишь отпрыскам рода Риндзин. Мать Тэруко перед смертью рассказала о них мужу, а он запомнил и передал дочери, предчувствуя, что однажды это может спасти ей жизнь.

У небольшой ниши девушки задержались. Принцесса вынула и прикрепила к поясу настоящую воинскую катану и вакидзаси.

Оружие, как и умение владеть им, было подарком отца, который приходилось тщательно скрывать от ненавистного двоюродного брата.

У очередной стенной панели принцесса остановилась и прислушалась.

За стеной было тихо.

Она потянулась, нащупывая рычаг. С тихим щелчком панель отъехала в сторону, выпуская принцессу и ее верную фрейлину в маленький чулан.

Все так же на цыпочках Тэруко прокралась к двери, прильнула к щели, кивнула.

В этой части дворца располагались казармы для офицеров и малый тренировочный зал.

Принцесса не обманывалась внешним лоском двора или покровительственными улыбочками двоюродного брата. Отец не раз повторял, что дворец станет для нее полем боя.

Только дурак выйдет на битву с тупым мечом. Тело нуждается в тренировках так же, как клинок нуждается в заточке.

Поминутно оглядываясь и замирая, девушки добрались до входа в зал. Данная

начальнику стражи взятка гарантировала, что в ближайшие два часа никто не пройдет этим коридором, но Тэруко все равно было страшно. Она боялась не гнева сёгуна, но того, что брат узнает ее секрет.

Наконец опасный участок остался позади. Девушки проскользнули внутрь. Хитоми осталась у двери на страже, а Тэруко взяла тренировочный деревянный меч, вышла на середину зала и встала в стойку.

— Точно не хочешь попробовать? — с подначкой спросила она фрейлину.

— Нет, госпожа.

Принцесса пожала плечами, но уговаривать подругу не стала. Она резко выдохнула и сделала несколько движений, разминая застоявшиеся мышцы.

Хитоми любовалась госпожой, не забывая поглядывать в сторону двери. Тэруко двигалась неторопливо, с текучей грацией, которая выдавала немалый опыт. Конечно, она не была такой сильной и опытной, как старший брат Хитоми, но госпожа утверждала, что с мечом в руках способна справиться со средним воином, и Хитоми ей верила. Не зря же отец принцессы с четырех лет учил Тэруко кэмпо.

Закончив с разминкой, девушка принялась за тренировочный манекен.

Удар. Чучело крутнулось на подставке, торчащий из набитого соломой «туловища» деревянный меч пронесся в опасной близости от принцессы. Тэруко рассмеялась, снова рубанула и отпрыгнула, избежав ответного удара.

Щеки ее покраснелись, глаза блестели, волосы липли к мокрой от пота шее.

Тэруко по-настоящему нравилось сражаться.

Наместник наблюдал за Ледяным Беркутом и все больше злился.

Что он себе позволяет, в конце концов? Да, род Такухати куда более древний и могущественный, но это не повод грубить в ответ на искреннее и дружелюбное предложение. Горо ведь еще в «Медовом лотосе» заметил и захотел эту девицу. А сейчас, вместо того чтобы натешиться в одиночку, от всего сердца был готов поделиться с будущим родственником.

Выкупил ты гейшу, так скажи! Вежливо. Горо Асано не кухарка, которой можно плевать в лицо.

— Мой друг, девушка — часть груза. Все, что выносит море на берега Кобу, принадлежит мне.

Генерал вскинул голову, и толстяк невольно отшатнулся — столько обжигающей ярости сверкнуло в его взгляде.

— Она — моя! — сквозь зубы прорычал генерал. — Я забираю ее на Эссо.

Мия почувствовала, как напряглись его мышцы. Руки с такой силой стиснули тело девушки, что она снова жалобно застонала.

— Сочувствую твоей потере, но море отдало девушку мне...

Если бы все это происходило с глазу на глаз, Горо, возможно, пошел бы на попятный. Видно же, что Ледяной Беркут не в себе, спорить с ним сейчас себе дороже.

Но отступить на глазах у своих людей и племянника? После того как они слышали этот оскорбительный тон?

— Ты можешь обратиться к правосудию сёгуна, но до поры, пока он не велит ее вернуть, малышка останется у меня. Мы находимся на моей земле, вокруг мои люди, и любой из них подтвердит, что Горо Асано умеет защитить свое добро!

Визгливый голос наместника врезался в уши, вызывая желание прихлопнуть его, как надоедливую муху.

А Мия лежала в его объятиях, доверчиво уткнувшись в плечо. Такая маленькая, слабая, незащищенная...

И пугающе холодная.

Сколько она пробыла в морской воде? Генерал видел, как от переохлаждения умирали сильные мужчины, а тут девчонка. Сорвать бы сейчас с нее мокрую одежду, пропарить в офуро. Потом намазать согревающей мазью, укутать в шерстяное одеяло и держать в объятиях, по капле вливая исцеляющую силу.

Акио тяжело вздохнул, мысленно сосчитал до десяти. Потом еще раз до десяти.

— Я забираю ее, — медленно сказал он. — В обмен на закаты Кумаэ, о которых мы говорили раньше.

Он разберется с неизбежными проблемами, которые только что себе создал, позже. А лечение нужно Мии уже сейчас.

Наместник изумленно моргнул. Даже ущипнул себя, просто на всякий случай, проверить — вдруг грезит.

Он заводил речь о Кумаэ с первого дня переговоров, но будущий зять упорно делал вид, что не понимает намеков. Будь Горо на его месте, он бы сам действовал так же, но Горо был на своем. И в его планах полного экономического контроля Оясимы этот небольшой остров играл одну из ключевых ролей.

В голове наместника замелькали обрывки разрозненных слухов, выстраиваясь в единую картину.

...Такухати выкупил первую ночь этой девушки за совершенно невероятную сумму...

...после мидзуагэ он пожелал сделать ее своей наложницей, а она опозорила его отказом...

...он утверждает, что все же выкупил ее позже, и достаточно одного взгляда сейчас на встревоженное лицо генерала, чтобы понять — выкупил не для того, чтобы плетью объяснить девке, как должна вести себя гейша рядом с самураем...

Вот он! Тот самый рычаг! Вторая Хитоми Такухати, заложник, который позволит клану Асано контролировать неуступчивого даймё Эссо! Хвала повелителю морских драконов Ватацуми-но-ками, что сам прислал ее в руки Горо Асано.

Отдать ее сейчас, когда Горо на своей территории и в окружении своих людей, а Такухати один? В обмен на всего лишь одну уступку?

Пусть не надеется. Горо Асано не сделает такой грандиозной глупости.

— Ах, мой друг! — Ликование, которое он испытывал, против воли все же прорвалось сквозь напускное равнодушие. — Не все в этом мире продается и покупается! Быть может, позже я соглашусь уступить ее, но не сейчас.

Наместник Асано нипочем бы не сознался даже самому себе, что, отбирая сейчас у высокомерного и опасного союзника добычу, он ощутил совершенно детский азарт и радость.

По его сигналу несколько воинов преградили генералу дорогу.

Мию охватил ужас. Реальность и вызванный переохлаждением и слабостью бред путались в ее сознании. Толстяк трансформировался в огромную бородавчатую жабу с оранжевыми глазами.

Девушка почувствовала, как сухие губы мимолетно коснулись ее виска, а потом Такухати

опустил ее снова на камни.

Сразу стало холодно. Мия жалобно захныкала, цепляясь за рукав его кимоно, и услышала:

— Потом, Мия.

Генерал выпрямился, оскалился по-звериному и положил руку на рукоять катаны.

— Назад! — прорычал он и прочертил ножами на гальке пляжа линию. — Любой, кто переступит ее, — умрет.

Воины нерешительно покосились друг на друга, потом на Такухати и остановились около линии.

Наместник чуть не взвыл от досады.

Вот ведь трусы!

Не дурак же Ледяной Беркут, чтобы выходить в одиночку против всего клана Асано, в котором тоже немало сильных магов. Взять того же племянничка Дзиро, сволочь изрядная, но какие бури умеет насылать!

Да и невыгодно генералу ссориться. Кто тогда вытащит из дворца его обожаемую сестренку? Кто поддержит во время переворота?

— Всегда неприятно лишаться имущества. Но надо понимать, что правда и сила на моей стороне. Стоит ли так держаться за наложницу, если совсем скоро у тебя будет молодая жена?

В последних словах таился намек. Пусть союзник вспомнит обо всех договоренностях. Будущее сестры и честолюбивые планы против одной смазливой девки.

Видимо, те же мысли пришли на ум Такухати. На лице генерала отразилась короткая мучительная борьба.

Мия сама не поняла, почему ей стало тоскливо и больно от последних слов наместника. Даймё непременно послушается, не станет же высокорожденный самурай ссориться с другом из-за девицы, которую считает шлюхой. Зачем ему Мия, когда скоро у него будет молодая жена...

Такухати проявит благоразумие и отдаст Мию жабе с оранжевыми глазами.

Реальность крошилась под пальцами. Девушка закрыла глаза и скользнула в беспамятство.

Она уже не видела, как Ледяной Беркут криво ухмыльнулся и как испуганно вздрогнул наместник при виде этой ухмылки.

— Твоя мать была шлюхой, а отец — жалким торгашом, — очень четко и громко выговорил даймё Эссо. Его холодный голос далеко разносился по пустынному берегу, отражался эхом от скал. — Сам ты заплыл жиром и не знаешь, с какой стороны находится рукоять у катаны. Горе клану Асано, им правит такое ничтожество. Если я не прав, выйди и докажи это с мечом в руках, как мужчина.

Горо сглотнул и посерел от ужаса.

В этот момент ему остро захотелось, чтобы все происходящее было просто дурным сном, потому что такой вызов обязывал его лично выйти против Такухати. А прозвучавшее оскорбление — родителей, рода и его самого — не оставляло шансов отказаться.

Бой до смерти. Такие слова смывают только кровью.

Нельзя отступить, перевести все в шутку. Два десятка самураев слышали эти слова. И племянничек, змеиное семя. Если пойти на попятный, ославят на весь мир трусом.

Клан не станет подчиняться трусу.

Как он мог? Ради какой-то девки...

«Я — труп», — с каким-то обреченным равнодушием подумал наместник. Он еще жил, дышал, двигался, но сказанные Такухати слова подписали ему смертный приговор.

Ледяной Беркут моложе на десять лет, выше, легче. Один из лучших фехтовальщиков Оясимы, он тренируется ежедневно, а Горо и в дни молодости не блистал воинскими талантами.

— Ты — вонючее отродье свиньи и крысы. Твой рот грязнее нужника. Пришло время научить мальчишку почтению к старшим, — как издавна слышал он свой голос. Он показался Горо непривычно высоким, как у подростка. — Я заставлю тебя рыдать, просить прощения и молить о пощаде, — безнадежно закончил наместник.

Теперь только бой. И кто бы ни победил, не будет больше мира между Такухати и Асано.

Глава 5

Против бури

Акио не стал затягивать поединок. Хочешь убить — убей.

Коротко и злорадно свистнула катана, разрубая толстяка так же легко, как рубила воздух. Плеснувшая струя крови запятнала кимоно, красные брызги легли на лоб и щеку, заставив генерала поморщиться.

Разрубленное наискось тело наместника еще опускалось, когда Акио не услышал — ощутил всем телом опасность.

Не рассуждая, не думая, повинувшись одному инстинкту, он, пригнувшись, нырнул вперед. Развернулся и вскинул меч.

Вовремя.

Брошенное в спину заклинание наткнулось на сталь и распалось. Остаток вложенной в него силы протащил Акио по гальке, швырнул спиной на скалу, вышибая дух.

Он не глядя ответил магическим ударом. Со стороны противника послышался вскрик боли.

Мия! Что с ней?

Короткий взгляд в ее сторону успокоил его. Девушка лежала там же, где Акио оставил ее. Занятые мстью самураи не уделили ей внимания.

Пущенный генералом порыв ледяного ветра разметал противников. В два прыжка он оказался рядом с Мией и перекинул ее через плечо. Нашупал и дернул невидимый поводок...

Теперь важно успеть подняться вверх по тропе раньше, чем вассалы Горо придут в себя.

Он ударил еще раз, обрушив ледяной смерч на противников, и мрачно ухмыльнулся, услышав крики боли за спиной.

— Держи его! Уйдет же, — голосил кто-то из воинов.

И голос Дзиро Асано:

— Спокойно! Ему никуда не деться с острова.

Если бы не необходимость беречь дыхание, генерал бы рассмеялся.

Стрела пропела над ухом и разбилась о камень сотней голубых искр. Акио снова отмахнулся, как от надоедливой мухи, послав за спину «Улыбку севера». Для любого более сложного заклинания требовалось остановиться и сосредоточиться.

Генерал не сомневался, что справится с любым из оставшихся за спиной самураев. Порознь или вместе, сражаясь с помощью катаны или магии, — не важно.

Но время! Пока будет идти бой, подбегут другие. Всех воинов клана ему не одолеть.

И Мия...

Девушка безжизненно свисала с его плеча, напоминая, что дорога каждая минута.

Еще дважды рядом свистели стрелы. Пущенные слабой рукой, на излете, они были безвредны.

Генерал преодолел гребень и остановился. Довольная улыбка осветила сосредоточенное и мрачное лицо.

Навстречу Такухати, переливаясь всеми оттенками пламени, спускалась огненная птица.

Сегодня фэнхун не играл в строптивца, поэтому высоту они набрали в считанные мгновения.

Далеко внизу грязным серым пятном посреди вод цвета аметиста лежал Кобу. По приказу всадника птица сделала круг, разворачиваясь грудью на северо-восток. Упругие струи встречного ветра били в лицо, несмотря на встроенную в седло магическую защиту.

Мия обвисла в объятиях Акио — неподвижная и холодная, словно уже готовилась расстаться с этим миром. За все это время девушка пришла в сознание лишь на мгновение, когда он усаживал ее в седло и затягивал ремни. Пробормотала в бреду «здравствуй, Хоно», — и снова отключилась.

Тревога за нее мешала мыслить трезво. Такухати с трудом сдерживался, чтобы поминутно не дергать повод, принуждая птицу лететь быстрее.

Так только загонишь летуна до смерти. Фэнхун и без того работал крыльями на пределе усилий.

Они успели преодолеть почти половину пути до Эссо, когда резкий порыв ветра ударил в спину, подбросил фэнхуна вверх. Птица замахала крыльями чаще, выравнивая курс. Генерал оглянулся и громко выругался.

За спиной сплошной черной стеной в проблесках молний надвигалась буря.

Дзиро! Акио еще раз выругался, вспомнив улыбчивого племянника Горо.

Генерал слышал, что мальчишка хорош в заклипании штормов, но чтобы настолько...

Эманации чужой силы носились в воздухе, чуть покалывали кожу голубыми искрами. Синий абрис магического пламени подсвечивал контур туч. От красоты и мощи стихии захватывало дух.

Налетевший вихрь подхватил птицу и седоков словно сухой лист, подбросил к небесам, а потом швырнул навстречу волнам.

Уже почти у самой воды фэнхун сумел выровняться, тяжело хлопая крыльями.

«Буря быстрее меня, — в мыслеречи птицы звучала обреченность. — Мы погибнем».

— Поговори мне! — сквозь зубы прошипел генерал, направляя летуна к скалистому островку посреди бушующего океана.

Это был крохотный клочок суши длиной в пару сотен шагов. Бури и шторма глодали его восемь из двенадцати месяцев в году, с корнем выдирали едва взошедшие деревца. Лишь в короткое северное лето островок оживал. Поросшие можжевельником скалы покрывались сорной травой, в которой изредка пламенели соцветия рододендронов. На камнях у воды любили отдыхать тюлени, а в скалах гнездились альбатросы и чайки.

Когда огненная птица опускалась на гальку у кромки воды, небо над островком уже почернело. Генерал, ругаясь, ослабил ремни, выдернул девушку из седла.

— К скалам, — скомандовал он.

Северный край острова вздыбливался беспорядочным нагромождением каменных глыб. Одна из них слегка нависала, образуя естественное укрытие. В выемке между камнями прятались прошлогодние птичьи гнезда, похожие на спутанные клубки сухой травы.

Акио с предельной осторожностью уложил Мию под навес и кивнул фэнхуну:

— Полезай туда.

«Что? В эту нору?» — Мыслеречь летуна была богата на интонации. Вне всяких сомнений, фэнхун оскорбился, услышав приказ.

— Будешь греть и защищать Мию, — прорычал генерал. — Быстро!

И, уже не обращая внимания на птицу, обнажил катану, чтобы вогнать клинок в землю меж камней.

Успел!

Налетевшая на островок мгновением позже волна скатилась по стенкам созданного Акио защитного поля, словно омыла гигантский невидимый пузырь. Ветер запел в скалах, все больше усиливая напор.

Такухати сосредоточенно сдвинул брови и положил руки на рукоять меча.

Ему предстояло в одиночку держать щит против бури.

Дракон кружил рядом, мечтая заполучить Мию в холодные и влажные объятия. Она отбивалась, вырывалась и бежала, оскальзываясь на гладких камнях. В темноту, где таился, поджидая добычу, огромный тигр. Шерстинки на его шубе полыхали языками огня и роняли искры на обожженную землю.

Тигр и дракон играли. Скалились, пугали, гоняли друг к другу измученную девушку. Мия металась между ними, чувствуя, как последние силы оставляют ее.

Она споткнулась, упала и не смогла встать. Дракон подошел и лег с левой стороны. От его тела расходился сырой холод. Справа лег тигр, обжигая испепеляющим дыханием.

Жар, холод и слабость.

— Уходи! — сказала Мия дракону и закашлялась. — И ты тоже! — велела она тигру.

Дракон насмешливо фыркнул, тигр дернул ухом. И все.

Мия рассердилась, и гнев помог побороть страх и слабость.

— Убирайтесь оба! — крикнула она.

Крик отразился в темной пустоте и вернулся. Теперь в нем ощущался отзвук силы. Тигр отошел и уселся поодаль, настороженно поглядывая на девушку. Дракон не двинулся с места.

— Почему ты преследуешь меня? — спросила Мия у дракона.

Она не ждала ответа и вздрогнула, когда услышала его бесплотный и равнодушный голос:

— Мне нет нужды преследовать. Я и так всегда рядом.

— Неправда! — рассердилась Мия. — Ты появился, когда я села на корабль. Что тебе нужно? Почему ты хотел меня убить?

Дракон засмеялся. Именно засмеялся — разве могли быть чем-то иным эти ритмичные хлюпающие звуки?

— Я пришел, потому что ты позвала, дитя вод. Но в тебе недостаточно силы, чтобы приказывать мне. Хочешь повелевать — найди ее.

Что-то ткнулось в ее ладонь. Мия перевела взгляд и поняла, что сжимает нож. Она вскрикнула и чуть не выронила его, успев перехватить рукоять в последний момент.

Когда она подняла взгляд, дракон уже исчез, а на месте тигра лежал Джин. Полностью обнаженный, скованный цепями.

Тихий вкрадчивый шепот, похожий на змеиное шипение, — он рождался будто сам собой в голове Мии:

— Ты знаеш-ш-шь, что делать, дитя вод. Выпус-с-сти силу.

Покачиваясь, Мия подошла к распятому мужчине. Аметистом вспыхнул узор вен на обнаженном теле, похожий на переплетение ветвей в кронах деревьев.

Джин посмотрел на девушку, и в расширенных зрачках мелькнул страх. «Мия!» — шевельнулись губы.

Она подняла нож и замерла. Вспороть кожу по рисунку, выпуская на волю алую, несущую пламя и смерть жидкость, — вот чего ждет от нее дракон. Достаточно нескольких

надрезов...

— Дейс-с-ствуй, если хочеш-ш-шь силы...

Внутри обожгло ужасом, точно кипятком плеснуло. Как можно — это же Джин?! Ее Джин! Пусть он предатель, пусть изменил Мии у нее на глазах, разве можно за это зарезать его вот так, как жертвенного петуха?

Как вообще можно зарезать невинного человека ради силы?!

Мия вскрикнула, отшвырнула нож, как ядовитую змею, и даже вытерла руку о полу кимоно, словно короткое прикосновение к обтянутой кожей рукояти ее испачкало.

— Потерпи, — всхлипнула она, дергая цепи Джина. — Сейчас я тебя освобожу.

— Ду-у-ура, — разочарованно вздохнул в темноте дракон.

Ревел и бесновался шторм, дождь лил сплошным потоком, словно все небесные реки разом решили сойти на землю, стонал ветер, и вставало на дыбы море, чтобы обрушиться на затерянный в океане клочок земли. Казалось, все воздушные и водные драконы Оясимы собрались вокруг крохотного скалистого островка и теперь с размаху бились телом о возведенный генералом барьер, желая попробовать на зуб человечинки.

Лезвие уже наполовину скрылось в земле, и каждый удар стихии вгонял меч все глубже.

Над катаной на коленях стоял Акио Такухати и держал щит.

Вцепившиеся в рукоять пальцы сводила судорога, в глазах темнело от запредельного напряжения. Каждый вдох давался с трудом, словно сверху придавило гранитной плитой, но Ледяной Беркут стискивал зубы и снова воздвигал преграду на пути обезумевшей стихии.

В Огненной долине было хуже.

Стемнело, но буря не ослабляла напора. Ночная тьма была наполнена визгом ветра в скалах и грохотом волн.

Шторм выдохся лишь на рассвете. Тучи расползлись, небо над островком наконец прояснилось. Акио выдохнул, разжал негнущиеся побелевшие пальцы и рухнул на камень.

Не хотелось шевелиться, думать, что-то решать. Усталость затягивала в черную дыру, обещая покой — сон без сновидений.

Нельзя спать! Мия...

Он медленно поднялся, опираясь о камень. Ковыляя, добрал до скалы, под которой оставил девушку. Фэнхун забился вглубь норы и мелко дрожал. Даже для волшебной птицы попадание в подобный шторм было равносильно смерти.

Летун выполнил приказ. Мия лежала, укрытая его крылом. Акио взял ее на руки, прижал к груди, еще раз поразившись, какая она маленькая и легкая.

И холодная.

На бледном лбу девушки выступила испарина, Акио вытер ее, злясь, что не может толком согреть больную — после ночи наедине с бурей он и сам почти не чувствовал рук.

Поцеловав посиневшие от холода губы, он влил в Мию еще немного силы. Столько, сколько девушка могла сейчас взять.

Она всхлипнула:

— Господин Такухати! Я не шлюха...

— Я знаю. — Голос генерала дрогнул. — Знаю. Держись! Скоро дом.

Акио прижал девушку к себе крепче и перевел взгляд на фэнхуна:

— Вылезай.

Птица выбралась, опасливо косясь то на небо, то на хозяина.

Такухати раздраженно поморщился, предчувствуя очередные капризы. И оказался прав. «Опасно лететь, ветер еще силен. Нужно подождать хотя бы полчаса».

Доля истины в словах фэнхуна, несомненно, была. Буря окончилась, но летящие по небу рваные клочья туч не внушали доверия. В любой иной ситуации генерал и сам предпочел бы переждать непогоду.

«Если влетим в болтанку, погибнем все».

Акио был слишком занят, усаживая Мию в седло и затягивая ремни, поэтому проигнорировал нытье птицы.

«Ты слышал меня, человек?»

— Справишься, — сквозь зубы ответил генерал, впрыгивая в седло. — Полетели!

Госпожа Масуда выглянула в окно — убедиться, что небо совсем прояснилось после ночной грозы, и довольно кивнула.

— Неси белье, — велела она молоденькой служанке. — Похоже, дождь уже не вернется.

Девушка кивнула и исчезла, чтобы чуть позже появиться на крыльце с огромной корзиной выстиранных еще вечером простыней. Рассветное солнце ложилось золотыми и розовыми отблесками. Где-то в кустах запела птица. Госпожа Масуда раскрыла окно, впустила в дом птичьей трели и легкий морской бриз.

И чуть не выронила вазу, которую протирала от пыли, заметив в небесах сияющую оранжевую точку.

Аккуратно поставив вазу на место, госпожа Масуда подбежала к бронзовому гонгу и трижды по два раза ударила в него, выстукивая знакомый всем обитателям замка ритм. Звук еще таял в воздухе, а слуги уже засуетились, забегали, спешно проверяя — все ли в порядке?

Сама госпожа Масуда оправила кимоно и степенно проследовала к парадному входу — встречать хозяина.

Фэнхун снизился резко. Ветер от его крыльев заставил заколыхаться тяжелые полы кимоно госпожи Масуды. Она дождалась, пока всадник спрыгнет на землю, и поклонилась:

— Добро пожаловать домой, господин. Мы не ждали вас раньше полудня.

— Горячую баню с лечебными травами, согревающую мазь, чай с медом и два... нет, три шерстяных одеяла, — велел генерал, снимая с седла какой-то сверток. — Немедленно!

Госпожа Масуда наконец разглядела, что за «сверток» привез хозяин, охнула и побежала исполнять распоряжение.

Генерал внес Мию на руках в банное помещение и раздел, не обращая внимания на суетившихся рядом прислужниц.

При виде странного украшения на шее девушки он мимоходом удивился и тут же забыл о нем, поглощенный тревогой.

Полет в мокром кимоно и ночевка на острове усугубили последствия переохлаждения. Даже магия, которую Акио осторожно вливал в Мию на протяжении всего пути, лишь замедлила развитие болезни. Руки и крохотные ступни девушки показались ему просто ледяными, а кожа неприятно холодной и влажной на ощупь. Она часто и хрипло дышала, иногда вскрикивала в бреду.

Сейчас это совершенное обнаженное тело не вызвало в Ледяном Беркуте никаких мыслей, кроме сводящего с ума страха потерять ее.

— Пошли прочь! — прорычал генерал служанкам, которые как раз заложили

магические камни в офуро.

Проверил температуру воды, удовлетворенно кивнул и опустил Мию в воду. Девушка вскрикнула: «Горячо!»

— Терпи!

Она захныкала, открыла глаза и попыталась выбраться из бочки, но Акио удержал:

— Не дергайся, Мия. — Он старался, чтобы это прозвучало мягко, но получилось лишь чуть менее требовательно, чем обычно. — Так надо.

Мия была слишком слаба, чтобы спорить. Она бессильно откинулась на стенку офуро и снова закрыла глаза.

Из вновь накотившей апатии ее вывел плеск воды — Акио опустился рядом и обнял ее сзади. Так же, как было на мидзуагэ вечность назад. Но теперь в его прикосновениях не сквозило вожделения. Бережные и нежные, они согревали и вливали силы в измученное тело.

Кожа горела от обжигающе горячей воды, словно Мию опустили в крутой кипяток. Особенно больно было пальцам — их жгло, будто огнем.

— Пожалуйста, — выговорила она, с трудом шевеля губами. — Слишком горячо...

— Вода едва теплая, Мия. Камни только заложили. Дай руки.

Ее кисть утонула в ладонях Акио. Сначала онемевшая кожа ничего не чувствовала, а потом в пальцы словно хлынуло жидкое пламя. Мия не сдержала крика.

— Терпи! Вторую руку!

Болезненному воздействию подверглись и ноги. К концу этих странных банных процедур девушка задыхалась, по лбу стекали капли пота. Она чувствовала себя измученной, но при этом — странное дело — более живой, чем до офуро. Скрюченные пальцы пусть неохотно, но слушались. Мию все так же невыносимо клонило в сон, но теперь это был нормальный сон больного на пути к исцелению, а не тяжелое забытие, подобное смерти.

— Положи здесь, — сказал Такухати, обращаясь к кому-то, кто был в комнате. — И приготовь мою постель.

Потом рывком встал и вынул Мию. После офуро воздух показался ей очень холодным. Она стояла, закрыв глаза, и покачивалась, пока Акио вытирал ее полотенцем. Он старался делать это нежно, но Мия все равно морщилась и стискивала зубы. Покрасневшая от горячей воды кожа болезненно отзывалась на любое прикосновение.

Мия запомнила урывками, как он нес ее на руках, завернув в шерстяное одеяло. Как растирал резко пахнущей травами мазью — сначала от нее стало холодно, а потом по телу словно прокатилась огненная волна. Как будил, поднося к губам Мии обжигающий, приторно-сладкий напиток.

— Выпей, и я отстану. Ну!

Она покорно пила, слишком измученная, чтобы самой что-то решать или спорить. Акио не выпускал ее даже на мгновение, и от этого было хорошо — легко и спокойно.

Мягкая постель. Сильные заботливые объятия. Темнота.

За окном всюду светило солнце, но в спальне генерала благодаря опущенным ставням царил полумрак.

Акио лежал на футоне, сжимая в объятиях свою находку. После лютого напряжения прошлой ночи он тоже нуждался в отдыхе, но сон не шел. Он чувствовал на шее теплое дыхание маленькой гейши и против воли улыбался ласковой, совсем несвойственной ему улыбкой. Пожалуй, из всех приближенных и домочадцев Ледяного Беркута только Хитоми

Такухати доводилось видеть эту улыбку на лице брата.

Попалась! Теперь никуда не денется.

Чуть не потерял ее.

Он зарывался лицом в волосы девушки, вдыхал сладкий, сводящий с ума запах сакуры. И старался не думать, что с ней было эти полторы недели. Кто бы ни обрезал ей волосы, Акио найдет ублюдка, чтобы убить. А если этот кто-то успел обидеть Мию, умирать он будет долго.

— Моя Мия.

Глава 6

Я тебя не брошу

Солнце уже медленно тонуло в море, когда генерал открыл глаза. Мия спала на его плече, обнимая за шею. Ее щеки порозовели, она улыбалась во сне и выглядела здоровой.

Сонная, теплая, желанная до одури.

Его женщина.

Он почувствовал зверское возбуждение. Захотелось разбудить ее ласками и поцелуями, войти, взять, утолить голод по ее телу, услышать стоны...

Нет времени.

Акио не удержался и все же поцеловал нежные губы перед тем, как разжать ее руки и аккуратно положить хорошенькую головку на подушку. Девушка обиженно пробормотала что-то во сне.

Одевался он быстро, по привычке выстраивая план на ближайшие сутки. Десять — двенадцать часов пути до столицы, даже при худших раскладах он прибудет туда задолго до смены стражи. Успеет перехватить мелкого крысеньша Сасаки до того, как тот заступит на службу во дворец.

В том, что людей, преданных Асано, теперь ни в коем случае нельзя подпускать к младшей сестре, Такухати не сомневался. И пусть любая собака в Тэйдо знает, что Дзиро Асано не любил дядю и пытался занять его место. Долг велит Асано мстить, и клан будет мстить.

Но ничего. С этой проблемой Акио справится. Жаль, что придется оставить Мию...

Он задержался на мгновение перед выходом из комнаты, чтобы еще раз поцеловать ее.

— Я вернусь, — пообещал Акио.

Мии снился Джин.

Это не был один из тех пугающих реалистичных снов, в которых она отдавалась ему. Просто сон. Они лежали в обнимку, Джин целовал ее щеки, волосы и шептал «моя!», и Мия прижималась к нему теснее, подтверждая — да, твоя, только твоя.

Порой она выныривала из забытья, и оказывалось, что сон — совсем не сон, ее щека лежит на мужской груди, сильные руки удерживают Мию в надежных объятиях, а изматывающий страх и невозможный холод — позади. Мия улыбалась и снова засыпала.

Потом Джин поцеловал ее, пообещал вернуться и ушел. Сны Мии разлетелись пестрыми бабочками — путаные и бестолковые, как сны большинства людей. Последнее, что ей запомнилось, — тануки, который с важным видом объяснял Дракону Океану, как правильно варить саке. Дракон слушал и кивал, а иногда даже делал пометки в свитке, держа кисть длинным гибким усом.

Когда Мия проснулась, было темно. Сперва она даже не поняла, где находится. Обрывки воспоминаний никак не желали складываться в единую стройную картину.

...вот Мия на борту парусника, вглядывается в ночное море...

...а вот она уже цепляется обледеневшими руками за скользкую опору, и соленая вода заливается в нос...

...толстая жаба с оранжевыми глазами требует отдать Мию ей. Господин Такухати женится, он не станет возражать...

...связанный Джин, и Мия над ним с ножом в руках. Узор вен — аметистом по коже...

...вода горяча, как кипятки. Властный голос: «Терпи, Мия»...

...и сон в мужских объятиях.

Что из этого было наяву? Что пригрезилось?

И где она?

Покачиваясь от слабости, Мия встала, завернулась в одеяло и подошла к окну, чтобы отодвинуть ставни.

Холодный ветер ворвался в комнату, заставил ее поежиться, напомнив о другом, высасывающем жизнь холоде. За окном простирались невысокие холмы, поросшие молодой травой и можжевельником. В чаше озера отражалось северное небо в барашках облаков.

Высоко! Такое высокое здание — третий или даже четвертый этаж! Да еще на холме.

Мия перегнулась, наполовину высунувшись из окна. Внизу был двор; меж хозяйственных построек сновали люди, доносилось бляенье овец, квохтанье кур. Крепкие, сложенные из камня и укрепленные бамбуком стены отделяли этот высоченный дом и маленькие домики у его подножия от остального мира.

Неужели воспоминания не бред и Мия действительно сейчас на Эссо, во владениях Акио Такухати?

Что толку гадать, когда можно пойти и узнать!

Она со стуком захлопнула окно и вернулась в комнату. Большую, но аскетично обставленную: futon, пара шкафов в нишах. Рядом с futon обложенный камнями очаг на полу, сейчас погасший и пустой.

На стене висел кинжал с лезвием, похожим на язык застывшего пламени. Мия вздрогнула, вспомнив, где видела его в прошлый раз.

В домике господина Такухати на Рю-Госо. В тот единственный раз, когда она пришла туда по его приказу, и он наказал ее.

Получается... это комната Акио Такухати? И он может войти в любую минуту?

Она торопливо схватила лежавшую стопкой возле futon чистую одежду. Оделась, боязливо поглядывая на дверь, и выскользнула наружу.

По дороге к лестнице Мия заглянула в соседние комнаты, в них было чисто и безлюдно. Рядом со спальней располагался зал для тренировок — огромный и совершенно пустой, если не считать стойки с оружием. Следующие несколько помещений показались ей личными покоями, заходить в которые было неловко.

Она успела спуститься на два этажа, когда встретила дородную женщину в годах. При виде девушки незнакомка тепло улыбнулась:

— Госпожа уже встала?

Мия обернулась, не понимая, к кому обращается эта женщина, но за спиной никого не было.

А та, словно не заметив недоумения, которое вызвали ее слова, продолжала:

— Я как раз собиралась вас будить. Вам понравилось кимоно, которое я для вас выбрала? Что госпожа желает на завтрак?

Завтрак. При этом слове в желудке заурчало от голода, и Мия поняла, что зверски, просто невыносимо голодна. Первоначальный план — выскользнуть по-тихому из дома, пока никто не видит, все равно провалился, так почему бы не позавтракать? Она поклонилась женщине, как младшая старшей:

— Мое имя — Мия Сайто. Как мне называть вас, госпожа?

Та добродушно рассмеялась, увлекая Мию за собой:

— Я — Хоси Масуда, супруга управляющего замком Инуваси и главная над прислугой.

Вы не должны обращаться ко мне на «вы», госпожа.

— Но почему?

Госпожа Масуда была старше, замужем и занимала высокую должность. У Мии язык бы не повернулся фамильярничать с такой почтенной женщиной.

— Наложница господина Такухати занимает более высокое положение, чем управляющая его слугами. Вы, наверное, очень голодны. Пойдемте, я распоряджусь, чтобы вас накормили, а потом помогу уложить волосы.

Госпожа Масуда (мысленно Мия продолжала называть ее именно так) взяла девушку под свое покровительство. Она сделала это вежливо, спрашивая каждый раз совета подопечной, но у Мии просто не хватало ни желания, ни уверенности противостоять ее настойчивой доброжелательной заботе.

После изысканного и сытного завтрака по настоянию женщины Мию посетил семейный врач клана Такухати, который подтвердил, что девушка слаба, но здорова. На прощанье доктор посоветовал не бывать на сквозняке и не гулять долго, угрожая возвращением болезни и осложнениями. Потом госпожа Масуда отвела Мию в ее покои в замке и показала несколько кимоно, от красоты которых захватывало дух.

— Их доставили из города сегодня утром, — с гордостью произнесла супруга управляющего, услышав восхищенный возглас Мии. — Мы заплатили целое состояние, чтобы перекупить их — мастер выполнял заказ совсем для другой девушки, но господин Такухати велел не жалеть денег. Даймё очень щедрый и заботливый хозяин. Вам так повезло, госпожа!

В голосе женщины слышалось искреннее восхищение и гордость своим господином.

Она огорченно поцокала языком над короткими волосами Мии и сделала прическу, спрятав меж волосами валик, чтобы те казались пышнее, затем аккуратно накрасила девушку.

— Вот — совсем другое дело, — радостно объявила госпожа Масуда. — Госпожа такая красавица!

Зеркало подтвердило — да, по-прежнему красавица. Выпавшие испытания почти не оставили следов на лице, лишь слегка запали щеки, отчего глаза казались совсем огромными. В них застыло изумление пополам с испугом.

— Если госпожа позволит, я пойду. Слуги такие бездельники, чуть перестанешь приглядывать, совсем обленятся. Позже я подберу для вас личную служанку, посмекалистей.

Мия жалобно посмотрела на захлопнувшуюся дверь, потом вскочила и забегала по комнате.

На протяжении последних нескольких часов девушку не оставляло неприятное ощущение, что она — самозванка, которая обманом проникла в этот дом и ввела в заблуждение хорошего человека.

Она совершенно не понимала, что делать с этим ощущением и с переменами, которые так стремительно ворвались в ее жизнь. Еще несколько дней назад Мия думала, что наконец сумела перехватить руль и лодка ее жизни теперь подвластна ее воле. Но взятый курс вел на рифы, судьба снова отдала Мию во власть Акио Такухати.

Что будет дальше?

— Что там случилось, Хитоми? — Тэруко с жадным любопытством повернулась к фрейлине.

С утра девушки из окна покоев принцессы наблюдали необычайное оживление во дворе. Толпились слуги, бегала туда и обратно стража, пронесли носилки с укрытым сверху полотном телом.

Распоряжением сёгуна им обеим было запрещено покидать женскую половину дворца, но любопытство принцессы было столь велико, что она уже готова была нарушить приказ двоюродного брата, когда Хитоми предложила разузнать все через знакомую служанку.

Сбор сведений занял время, но сейчас, судя по испугу на лице девушки, фрейлина вернулась с новостями.

— Убит самурай из внешней охраны дворца. Его тело нашли в кустах. — Хитоми сделала знак от сглаза.

— Уби-и-ит... — Глаза Тэруко засияли от восторга. — Ничего себе! Известно, кто это сделал?

— Нет, госпожа. Никто не видел убийцу.

— Во дворе был поединок, а никто ничего не видел и не слышал?

— Его задушили, — отчего-то шепотом произнесла Хитоми. — Напали сзади с удавкой. Сейчас капитан стражи опрашивает слуг. Другие самураи говорят, что он вообще не должен был находиться в саду, его место на воротах.

— Какая недостойная и позорная смерть! — Тэруко неодобрительно покачала головой. — Как его имя?

— Сасаки Ёкота.

— Никогда о нем не слышала. Видимо, он был не таким уж хорошим воином, если позволил удавить себя подобным образом.

— Это еще не все. — Девушка пугливо оглянулась. — Госпожа, после смерти у него отрезали ухо.

Нобу ворвался в комнату без стука. В несколько шагов преодолел расстояние до столика, за которым сидел Акио с кистью в руках, и с размаха швырнул на лежащий перед старшим братом лист бумаги какой-то предмет.

— Вот! — пафосно воскликнул юноша. — Я сделал то, о чем ты меня просил.

И замер в позе, изображавшей одновременно гордость и возмущение.

Акио поднял двумя пальцами предмет, оказавшийся отрезанным человеческим ухом, брезгливо скривился.

— Ты его убил?

— Да, — буркнул младший брат.

— А ухо зачем отрезал?

— Чтобы ты видел!

— Дурак! — Даймё раздраженно отодвинул начатое письмо вместе с ухом. — В следующий раз просто убьешь. Не надо трофеев.

Глаза Нобу изумленно расширились:

— В следующий раз? — В голосе юноши послышались истерические нотки. — Ты хочешь сказать, будет следующий раз? Да ты знаешь, через что мне пришлось пройти?! Убивать человека, когда рядом столько стражи! Меня чудом не поймали!

— Не поймали же.

— Если бы не твои непомерные амбиции, всего этого не было бы! Это ты сначала сдружился с Асано, а потом сделал их врагами! Из-за тебя сёгун удерживает Хитоми в заложницах. Из-за тебя отец...

Обличительную речь прервала оплеуха. Хорошая такая. Смачная. Звонкая.

— Прекрати истерику! — свистящим шепотом потребовал Акио, испытывая большое желание добавить к оплеухе еще парочку.

Нобу уставился на старшего брата, тяжело дыша. В широко распахнутых глазах блеснули слезы.

— Ты никогда бы не ударил никого из своих вассалов, — сказал он дрожащим голосом. — Ты меня совсем не уважаешь, да?

— Никто из моих вассалов не посмеет повысить голос на своего даймё, — холодно отрезал Ледяной Беркут. — А если посмеет, я его убью. Ты мальчик или самурай, Нобу? Брат или вассал? Подумай.

Нобу сглотнул. Сейчас Акио до боли напомнил ему отца в гневе.

— Иди. До завтра ты мне не понадобишься.

Он кивнул на дверь и выжидающе посмотрел на младшего брата, как будто вопрошая: «Ну, чего встал?» Нобу понял, что не дождется слов благодарности за грязное дело, которое пришлось совершить. Обида встала горьким комом в горле — ни проглотить, ни выплюнуть злыми словами.

Нобу всегда испытывал в адрес старшего брата опасливое восхищение. А тот смотрел на него как на пустое место. Мальчишкой Нобу мечтал, как однажды вырастет и станет равным или даже более сильным, чем Акио. В конце концов, Нобу тоже Такухати, пусть ему и не досталось родовой магии, не в ней доблесть самурая...

И вот он вырос, а брат по-прежнему помыкает им и ни в какую не желает прислушиваться к его мнению. Нобу ведь и в городскую стражу пошел, чтобы что-то доказать родным. Поначалу так гордился, что сам сёгун отметил его и велел перевести в охрану дворца. Пока Акио не отнял мимоходом эту радость, сказав, что сёгун просто держит Нобу поближе, чтобы иметь возможность влиять на старшего Такухати.

А как страшно и гадко было убивать Сасаки! Подло накидывать удавку из-за спины, удерживать хрипящее и трепыхающееся тело. И как раз рядом пробежала служанка. Нобу чудом не попался. И что? Где благодарность? А ведь он прикрыл Акио. Заплатил за его оплошность, замарал руки кровью, рисковал. Оплеуха — вот и вся благодарность.

— А что с Хитоми? И с предателем? Я хочу помочь...

Старший брат поморщился:

— Ты уже помог. Иди. И заberi это. — Акио кивнул на все еще лежащее на столике ухо. — Похоронишь по-человечески.

Он отвернулся, показывая, что беседа завершена. За спиной раздался шорох, стукнула дверь.

Ледяной Беркут недоуменно пожал плечами и достал чистый лист бумаги. Что за фокусы? Смог выполнить задание? Избавился от опасного человека, защитил сестру? Молодец. Но к чему эта сцена с отрезанным ухом?

Имей Акио возможность проникнуть на территорию дворца, он бы сделал это сам. Но он не мог, а мальчишка рвался помочь, разве что не умолял. Все хочет стать героем для Хитоми. И ведь справился, смог. Так по какому поводу истерика? Можно подумать, ему не приходилось раньше убивать...

«А ведь вправду не приходилось!» От осознания этого простого факта Ледяной Беркут даже замер. Нобу девятнадцать лет, и сегодня утром он впервые убил человека. Убил не в честном поединке, подло, сзади...

Акио нахмурился, удивляясь, как могло получиться, что Нобу до сих пор не проливал крови. Сам он к девятнадцати годам имел за плечами две войны, подавление мятежа в юго-восточной провинции и бессчетное количество дуэлей. Его меч не просто попробовал крови, он пролил реки...

Нобу тогда, десять лет назад, был слишком мал. А потом пришли годы мира. Брат умолял взять его на последнюю войну, клялся служить верной собачонкой, спать у входа в палатку. Но Акио слишком хорошо видел, к чему идет эта кампания. Они с отцом единогласно запретили мальчишке покидать Эссо.

— Я слишком берег его, — проворчал генерал и скомкал недописанное письмо.

«Квартал ив и цветов» рад принять гостя в любое время. Нобу здесь хорошо знали. Безымянная гейша с поклонами проводила его от входа к вышитым подушкам, подала подогретое саке.

Вокруг как-то сразу собрались прелестные девушки — одна краше другой. Веселые и беспечные, словно птички. Видя, что гость не в духе, они защебетали, пытаясь отвлечь его от мрачных дум.

Их старания стали бальзамом для раненой гордости, но по-настоящему расслабиться Нобу смог, лишь когда в зал впорхнула Уме.

Мальшка Уме — самый ослепительный цветок в «Медовом лотосе». И она так восхищалась Нобу. Смотрела, как на живое божество. И ласкала... так искренне, страстно, нежно. Нобу знал, что он для нее — особенный. Не просто клиент.

Только с ней он мог до конца расслабиться, забыться. Только ей мог выложить все, от чего так тяжело на душе. Только от нее, после того как Хитоми стала фрейлиной принцессы, слышал слова поддержки.

И никто другой не умел слушать так, как она!

Вот и сейчас, уединившись в комнатке, запивая обиду саке, он говорил, говорил:

— Что он о себе воображает? Как делать грязную работу, так «пожалуйста, Нобу, помощи! На тебя вся надежда, брат!».

Здесь младший Такухати откровенно кривил душой. Приказ об убийстве Ледяной Беркут отдал в таком же сухом и категоричном тоне, каким потребовал убрать злосчастное ухо. Нобу сам радостно ухватился за возможность заслужить благодарность старшего брата.

— Конечно, господин, — нежный голосок Уме ласкал слух, — без вас он бы никогда не справился.

— А потом что? «Иди, ты мне больше не нужен».

— Ах! Неужели так и сказал?

— Да, именно так. Разве так поступают с братьями, Уме?

— Конечно нет, господин. Вы слишком добры к вашему брату. Он это не ценит.

И снова в голосе покладистой гейши звенела разделенная обида и негодование.

Прохладные руки легли на плечи — разминая, легонько поглаживая. Нобу охотно откинулся, отдаваясь ее умелым и заботливым движениям. Хорошо!

— И что же дальше будет делать ваш брат? — сочувственно спросила Уме.

Она надавила на какие-то точки у основания шеи, и Нобу чуть не замурчал от

блаженства.

— Не знаю. — Как всегда, рядом с ней злость улеглась. Уме успокаивала его лучше кувшина sake. — Наверное, найдет другой способ пробраться во дворец. Хитоми нужно вернуть на Эссо...

Даймё не станет советоваться с Нобу, не зря он сегодня указал брату на его место. Совсем как отец. Тот тоже никогда не интересовался мнением младшего сына. Кому интересно, что там думает полукровка от наложницы?

— Ах, господин! Я боюсь за вас.

— Не бойся. Мне нельзя свободно ходить по дворцу. Иначе я давно бы сам выкрал сестру. Нет, Акио придумает что-то другое.

— А потом? Вы же можете погибнуть.

Нобу рассмеялся. С Уме он чувствовал себя настоящим мужчиной. Сильным. Смелым. Защитником.

— Не погибну. Представляешь, Акио будет сёгуном, а я — братом сёгуна! Что скажешь?

— Ах! Вы уйдете и забудете вашу маленькую Уме!

— Не бойся, глупенькая. — Он потянул девушку на себя и поцеловал алые губы. — Я тебя не брошу.

Глава 7

Рассказ отшельника

Замок Инуваси — родовое гнездо Такухати — был огромен. По слухам, императорский дворец в Тэйдо еще больше, но Мия его никогда не видела. Она вообще ничего не видела в столице, кроме нескольких улиц «квартала ив и цветов».

Покои Мии располагались на самом верхнем, четвертом этаже. Рядом с комнатами Акио Такухати. Порой ей становилось неуютно при мысли о подобном соседстве, но пока хозяин отсутствовал, Мия вместе с предоставленной ей личной служанкой оставались единственными обитателями этажа.

— Господин редко бывает дома, — пояснила миловидная смешливая девушка на пару лет младше самой Мии. Судя по имени, Юрико Масуда была дочерью управляющего.

— А когда он вернется?

— Никто не знает. Господин часто прибывает без предупреждения.

Инуваси-дзё находился в часе пути от Асикавы — крупнейшего города провинции. Мия глядела из окна своей комнаты на холмы, озера, скалы. На сотни хозяйственных построек и домов — в них обитали люди, чья жизнь была тесно связана с замком. На неприступные каменные стены и ров внизу. Глядела и пыталась осознать, что все это — холмы, стены, люди, огромный портовый город в часе пути отсюда — принадлежит Акио Такухати.

И не только это, но много-много больше. Эссо — первый по величине и четвертый по населенности среди Благословенных островов.

Нет, конечно, Мия знала и раньше, что роду Такухати принадлежит весь северо-восток страны. Но теперь, увидев величие, мощь и богатство замка Инуваси, она словно впервые осознала по-настоящему, что значит слово «даймё».

Вторым удивительным открытием стало огромное уважение и любовь, с которой все люди Такухати говорили о своем господине.

При Мии слуги старались не сплетничать, но пару раз ей удалось подслушать обрывки разговоров. Даймё Такухати навел порядок, истребив несколько разбойничьих банд, а главарей повесил на глазах у городских жителей. Давно надо было, общины деревень уже не раз отправляли прошение о защите, а его отец все медлил. Даймё Такухати провел налоговую реформу и поднял пошлины для чужих товаров. Пусть купцы жалуются, зато крестьяне и мастеровые вздохнули спокойнее. По распоряжению даймё начат ремонт дороги между Асикавой и Омакомаем — ей полсотни лет, давно пора...

Тень восхищения, с которым жители Эссо смотрели на своего господина, ложилась и на Мию, куда бы она ни пошла. От этого было неловко. Словно Мия, сама того не желая, обманывала всех этих людей.

Неловко было и оттого, что от нее ожидали такого же восхищения, а Мия сама затруднилась бы сказать, что испытывает к Акио Такухати.

— Господин — самый лучший, — с непоколебимой убежденностью заявила Юрико, когда Мия попробовала завести с ней разговор.

— Но он такой жестокий...

— Он строгий, но справедливый. Господин много делает для всех и от нас требует не меньше.

Джин приходил только в снах. Обнимал, клялся, что отыщет. Рассказывал про родной

Самхан, в котором никогда не бывает снега, и просил только чуть-чуть потерпеть, подождать.

Мия подождала бы, будь эти встречи наяву. Но что есть сны, как не сладкая ложь самому себе?

В реальности ее ждали только Акио Такухати и холодные небеса Эссо.

Она силилась понять этого мужчину и не могла. Зачем он привез ее сюда? Отвоевал у наместника, вылечил, представил всем своей наложницей, подарил одежду и украшения. Разве так обращаются с девицами, которых считают дешевыми шлюхами?

Мия знала, что, если она хочет свободы, надо бежать сейчас, пока не поздно, пока не вернулся Акио. Но у нее не было денег, а продавать подаренные кимоно или драгоценные гребни казалось бесчестным. Все равно что воровство.

Да и куда бежать? На чем? И что важнее всего — к кому?

Пусть будет так, как будет! Если ее воспоминания верны, Акио Такухати спас ей жизнь. Он заслуживает разговора.

Но если все выльется в очередные унижения, Мия не станет мириться и терпеть.

Пещера пряталась среди скал — черная дыра, неприметная со стороны дороги. Чтобы найти ее, нужно было сойти с тропы и продираться почти пятьдесят шагов по каменистому склону сквозь заросли остролиста.

Что и сделал низенький толстый монах в тростниковой шляпе.

У входа он остановился, опасливо поглядывая на нависающий сверху каменный гребень, за которым начиналась холодная мгла.

— А, Будда его знает... Кажись, пришел, — пробормотал монах и огладил усы. — Надеюсь, внутри действительно почтенный ямабуси, а не медведь-сан. Иначе мое путешествие может очень дурно закончиться.

С этими словами он извлек откуда-то из складок своего одеяния медную чашу для подаяний, куда больше напоминающую котел, в котором можно приготовить ужин на большую семью. И с энтузиазмом замолотил по ее краю деревянной колотушкой.

Поднялся адский трезвон. Пронзительный звук осквернил хрустальную тишину гор, разлетелся по ущелью, отразился от скал, заставил вибрировать и дрожать воздух. Казалось, даже тьма, скрывавшая нутро пещеры, сжалась, съежилась, уползла глубже в каменную толщу.

— Э-ге-гей! — завопил монах и с удвоенным энтузиазмом заработал колотушкой. Самовольно выползший из-под балахона хвост взмыл к небесам и победно распушился, а на морде засияла горделивая улыбка.

— Хватит! — Хриплый рык из пещеры перекрыл поднятую монахом какофонию. — Еще один звук, и я подниму тебя на вершину священной Ондзэ и покажу «обзор Востока».

— Это когда подвешивают за ноги над пропастью, чтобы добиться просветления? — уточнил монах, немедленно прекративший трезвон.

— Именно.

Тьма в пещере заворочалась, дрогнула. Некто огромный подошел и встал, перекрывая проход. Во мраке вспыхнули два красных глаза с нечеловеческими серповидными зрачками.

— Мм, не стоит, почтенный ямабуси-сама. — Монах спрятал чашу и ловко поклонился. — Еще и трех месяцев не прошло, как мне пришлось испытать подобное. В тот миг, болтаясь на веревке, я устыдился, осознав несправедность своей жизни, и дал зарок пресветлой Аматаэрасу блюсти умеренность в пище и женщинах. И, кстати, истово следую

ему с тех пор. Клянусь, что не стал бы нарушать вашего покоя, достопочтенный отшельник, не приведи меня сюда безотлагательная нужда.

В доказательство своих слов гость потряс тыквенной бутылкой почти с него ростом. Внутри бутылки что-то призывно булькнуло.

— Будда заповедовал монахам не иметь собственности и сразу же съесть подавание. Да вот незадача, добрые крестьяне в ближайшем поселении одарили меня столь щедро, что одному мне никак справиться с таким количеством еды и sake.

Теперь из складок воистину вместительного монашеского одеяния появился сверток с лепешками, связка копченых перепелов и даже мешок с яблоками.

— Прошу, почтенный отшельник, спасите меня от образовавшихся излишков и разделите со мной трапезу. — Наивный тон монаха спорил с самодовольным и даже наглым выражением морды.

В проеме пещеры возникла гигантская фигура. Этот человек, а может, и не человек вовсе, ростом почти вдвое превышал низенького монаха. Кряжистый, мощный, он казался вырубленным из камня окрестных гор. Кожа его была красной, словно глина, мышцы бугрились под жилетом на голое тело. Кроме жилета на обитателе пещеры были только просторные штаны из грубой ткани и грязная накидка, наброшенная на плечи. На поясе, рядом с катаной и вакидзаси, висел огромный веер из разноцветных перьев.

Но самой примечательной деталью во внешности обитателя пещеры было лицо. Не старое, но изборожденное глубокими морщинами, темно-красное, с невероятно длинным носом. Всклокоченные седые волосы обрамляли его неопрятным ореолом.

Весь вид этого существа был грозен и призван вселять трепет в сердца случайных незваных гостей, но толстенький монах оказался не робкого десятка. Он, не моргнув, выдержал тяжелый взгляд из-под нахмуренных кустистых бровей.

— Чтобы тануки в одиночку не справился с какой-то бутылкой sake и десятком пташек? — проворчал великан.

— Не забудьте про лепешки и яблочки, — смиренно подсказал оборотень и в доказательство своих слов подсунул сразу три яблока обитателю пещеры. — Кстати, мое имя — Дайхиро. А ваше, почтенный ямабуси-сама?

Отшельник фыркнул, приблизил длинный нос к протянутым яблокам и медленно принюхался, словно подозревая подвох. Так и не найдя ничего крамольного, ловко сцапал подношение, закинул в пасть и захрустел.

— Ты украл их в деревне внизу?

— Что вы говорите, почтенный ямабуси-сама! Украл? Как можно?! Разве вы не знаете, что служителю Будды заповедано никогда не брать чужого! — возопил монах. — Любезная вдова поделилась со мною своим добром совершенно безвозмездно, в благодарность за беседу, которой я скрасил ее вечер.

— Зачем пришел? — Лицо отшельника оставалось суровым, но взгляд смягчился.

— Так... — Монах сделал неопределенный жест рукой. — Выпить, воздать должное этим прелестным перепелкам, вспомнить дела давно минувших дней... Почтенный ямабуси ведь проживал здесь пятнадцать лет назад? Возможно, почтенный ямабуси помнит женщину с младенцем и сопровождавшего их самурая? Пятнадцать лет назад они покинули деревню внизу и направились в поселение Бокоромоно, но не дошли.

И без того сумрачное лицо отшельника помрачнело еще больше.

— Помню, — тяжело обронил он. — Ты правильно сделал, что взял sake. Я выпью его с

тобой, помяну Таскэ Сайто. Он был храбрым воином и погиб как герой. Но здесь неподходящее место.

С этими словами он снял с пояса огромный веер. Тануки с ужасом покосился на него и выразительно сглотнул.

— Я вообще-то высоты боюсь... — обреченно пробормотал он.

Огромная ручища хозяина пещеры ухватила оборотня за загривок. Второй рукой ямабуси взмахнул веером, отталкиваясь от земли. Накидка раскрылась, оказавшись огромными черными крыльями, и отшельник вместе со своей добычей взмыл к небесам.

— Держи меня крепче, — заорал тануки, — если я буду держаться за тебя, то кто будет держать sake?!

И тут же, опровергая свои слова, изо всех сил вцепился в руку отшельника.

Бутыль sake жалобно булькнула и повисла на плетеном ремешке, тоже подаренном благодарной вдовой.

Вид с площадки на вершине горы открывался совершенно головокружительный. Тануки покосился вниз и опасливо отодвинулся от края.

— Сикомэ напали на том кряже. — Смотреть туда, куда указывал узловатый палец отшельника, Дайхиро не решился из опасений расстаться с перепелкой, которая только что нашла упокоение в желудке оборотня.

Он приложился к sake и восхищенно посмотрел на собутыльника. Не каждый день выпадает удача по пьянствовать с тысячелетним тэнгу.

По правде говоря, в жизни Дайхиро это вообще был первый раз. Несмотря на ёкайское происхождение, тануки вырос среди людей, они были для него куда ближе и понятнее иных оборотней или духов. За всю свою короткую жизнь Дайхиро нечасто встречал других ёкаев.

А тут настоящий тэнгу! Изначальный хозяин этих лесов и гор. Ну красота же!

— Зимой эти твари нагледят. Вылезают из своих нор, шастают по округе. Местные знают, что в холода лучше не ходить в горы. А Таскэ пошел...

— Вы знали его? — уточнил Дайхиро. — Ну, до того...

Обычно легко переходивший на запанибратские отношения оборотень ощущал непривычную робость. Даже его дерзости не хватало, чтобы фамиллярничать с древним тэнгу.

— Я помню его мальчишкой. Таскэ Сайто мечтал стать мастером меча. Он оставлял подношения каждый день, упрашивал взять в ученики. Я сказал, что не возьму. Устал брать учеников из людей, слишком быстро они старятся и умирают, но он продолжал приходить, пока родители не отправили его на другой остров. Потом я тринадцать лет не видел его...

Дух гор сделал воистину богатырский глоток из бутылки и тяжело вздохнул.

— Не сразу услышал просьбу о помощи, опоздал. Он скончался от ран у меня на руках.

— А женщина и младенец? — жадно поинтересовался тануки. — Я был в Бокоромоно, это три двора и пара стариков. Ни о какой женщине там не слышали.

— Бокоромоно гибнет. Серебряные рудники истожились, люди перебрались за кряж. Там не мои земли.

— Так что с женщиной?

— Сачи. Ее звали Сачи Сайто. Я обещал Таскэ позаботиться о ней, и я исполнил обещание. Она месяц жила в моей пещере. Я предложил ей остаться навсегда, но Сачи твердила, что малышке нужны люди, и в итоге ушла к ним, за кряж. Я проводил ее.

Он снова тяжело вздохнул и под жалобным взглядом оборотня в два глотка прикончил бутылку.

— Плохо, — подвел итог тэнгу. — Люди быстро живут и легко умирают, тануки. Не привязывайся к людям.

Глава 8

Прости меня

Поначалу госпожа Масуда резко воспротивилась просьбе Мии.

Да, понятно, что на Эссо начался ханами и госпоже наложнице хочется выйти, полюбоваться на цветущие деревья. Но где это видано, чтобы женщина высокородного даймё путешествовала без свиты и без норимона — переносного экипажа, избавлявшего даму от нескромных взглядов?

Мии, выросшей в окружении вольных гор Рю-Госо, этот способ передвижения казался странным и диким.

Ну какое удовольствие можно получить от ханами, когда ты смотришь на него из бамбукового ящика? Пусть даже этот ящик размером может сравниться с небольшой комнаткой, изнутри украшен и устлан мягкими шкурами.

Мии хотелось разуться. Пройтись босиком по траве, зарыться пальцами в еще прохладную после зимы почву, вдохнуть живой аромат цветка.

Чтобы настоять на своем, девушка впервые воспользовалась властью, которую давало ее положение, и вдруг с удивлением обнаружила, что ее слово действительно что-то значит для этих людей. Как ни возмущалась госпожа Масуда, она была вынуждена уступить.

В сопровождение Мии дали двух самураев в полном боевом облачении. То ли конвой, то ли охрана.

— Обязательно посмотрите на холм Татакай! — напутствовала женщина на прощанье Мию. — Люди едут несколько дней, чтобы увидеть его, а потом до старости рассказывают внукам.

На все расспросы супруга управляющего только хитро улыбалась и отвечала: «Увидите».

Распаленная любопытством девушка полюбовалась всего полчаса на цветущую вдоль реки сакуру, а потом попросила охранников отвести ее к таинственному холму.

Дорога пролегла через обычную, ничем не примечательную пихтовую аллею. Ветви деревьев тесно переплетались, образуя высокий сводчатый потолок в бликах солнечного света.

Шагнув за пределы роци, Мия ахнула.

Впереди, насколько хватало глаз, простиралось море. Синее, в фиолетовых переливах, оно поднималось по склону холма вверх, чуть волновалось, шелестело.

Море цветов.

Синие и аметистовые флоксы — нежные соцветия, собранные в гроздья на длинных тонких ножках. Ветер чуть покачивал их, создавая иллюзию ряби на водной глади.

Это было похоже на чудо. Словно сама Ко-но-хана — Дева Цветения — высадила здесь целый холм во славу весны.

Сквозь цветочное море вела узенькая тропинка. Мия вдруг поняла, что хочет взглянуть вниз с самой высокой точки. Она порывисто обернулась к своим суровым сопровождающим:

— Я хочу подняться наверх. Одна!

Самураи переглянулись, потом тот, кто был за старшего, кивнул:

— Это можно, госпожа. Татакай — священное место, никто не побеспокоит вас там.

Мия растерянно улыбнулась. Так просто? Она приготовилась воевать и спорить за право насладиться чудом в одиночестве, но это не потребовалось.

Запах цветов был похож на сливовое вино — такой же сладкий и так же пьянил. Мия шла наверх, а справа и слева волновалось море. Синее в брызгах аметиста.

У самой вершины над дорогой нависали врата-тории, словно отмечая место, где начиналась власть иных сил.

Мия вспомнила тории в Дзигоку, которые она вместе с другими майко так неосторожно распахнула во время гадания. С внезапно нахлынувшей робостью девушка подошла к воротам и поклонилась духам этого места, испрашивая дозволения войти.

Тихий шелест флоксов, похожий на вздох, был ей ответом. Мия решила, что это добрый знак.

Она поднялась на выложенную камнем площадку, медленно подошла к краю и встала, любуясь на сотворенное природой и богами чудо.

Ирреальная красота и полное безлюдье вокруг делали это место сакральным. Мия застыла, впитывая в себя залитый солнцем холм и цветочное море внизу. Сладкий аромат флоксов оседал на губах. Порхали бабочки — крупные, с бархатистыми крыльями, окрашенными в оттенки вишни и пурпура, они тоже казались цветами, внезапно обретшими дар полета. Пели сверчки.

— Нравится? — раздался за спиной знакомый низкий голос.

Мия вздрогнула и медленно обернулась.

Он стоял у врат тории и смотрел на нее с непонятым выражением лица.

Ей приходилось видеть Акио Такухати разгневанным и довольным, скорбящим и собранным, надменным и вождедеющим. Но таким она его не видела никогда.

— Очень, — тихо ответила Мия. — Холм прекрасен, как и сам Эссо.

— По преданию, здесь была битва. — Он медленно подошел. — Мой предок, Такэхая, бился с предком императоров Риндзином. Такэхая принял облик гигантского белого беркута, а Риндзин обернулся драконом. Они сражались три дня и три ночи. Пролившаяся кровь стала цветами. Раз в год, в годовщину битвы холм цветет, чтобы напомнить о ней.

— За что они бились? — тихо спросила Мия.

— За право владеть этой землей. На северные острова, где правили мои предки, сошли льды. Людям Такэхая нечего было есть. Они сели на лодки и приплыли сюда.

— Ваш предок победил?

Такухати покачал головой.

— Он проиграл. Был изранен и попросил добить его. Но император-дракон впечатлился доблестью побежденного. Он сказал, что отдаст эту землю, если Такэхая принесет вассальную клятву за себя и весь свой род...

Холодный и резкий голос даймё разносился над холмом. Мия слушала, как Акио скупно и просто рассказывает о событиях невообразимой, легендарной древности, и верила каждому слову.

— Такухати всегда держат свое слово. На протяжении веков Эссо был верен императорской власти. «Цепные псы Риндзин» — так нас называли, пока предательство Ясукаты не прервало династию.

— Ой, об этом нельзя говорить. Сёгун...

Даймё скривился и очень выразительно пояснил, где видел сёгуна вместе с тайной службой. Мия, успевшая за время жизни в «квартале ив и цветов» узнать значения некоторых слов, почувствовала, как у нее начинают гореть уши.

Какой странный получился разговор. Она десятки раз представляла, какой будет их

встреча, что сделает и скажет. Но никогда и подумать не могла, что Такухати заведет речь о политике.

Девушка ощутила, что даймё смотрит на нее, повернулась, чтобы встретить его взгляд, и вдруг невесть отчего покраснела.

Акио разглядывал ее все с тем же странным выражением на лице и молчал.

И Мия тоже молчала, не зная, что сказать. Тишина перестала быть уютной, в ней ощущалось напряжение, предвестие грозы...

Что можно сказать человеку, который был твоим первым мужчиной? Которого ты прилюдно унизила, от которого получила ответное унижение?

И который спас тебе жизнь.

Чтобы говорить и быть услышанной, нужно сперва оставить обиды в прошлом.

Мия почтительно и церемонно поклонилась:

— Господин Такухати, я виновата перед вами. Я глубоко сожалею, что оскорбила вас отказом. Простите меня. Клянусь, что, если бы вы сперва поговорили со мной, я предупредила бы вас о своем нежелании становиться вашей наложницей.

Он тяжело выдохнул сквозь стиснутые зубы:

— Не хочешь быть моей, Мия?

— Не хочу принадлежать мужчине, для которого я всего лишь шлюха.

Теперь на лице Акио отразилась боль. Он отвел глаза.

— Я был не прав, — тяжело и медленно выговорил даймё. — Если сможешь, то... Нет, не так... — Он помолчал, а потом поднял на нее взгляд и выговорил, словно шагая в бездонную пропасть: — Я прошу, прости меня.

По лицу даймё было видно, как тяжело ему было произнести это.

— Вы?! Меня?

Он кивнул.

Десятки раз Мия представляла себе этот разговор, но никогда в самых смелых фантазиях не мечтала о подобном.

Реальность дала трещину. Высокорожденный самурай, один из первых по знатности людей в стране просил прощения у беглой гейши. Разве это может быть правдой? Раньше Дзигоку замерзнет, чем Акио Такухати с его властностью и гордостью попросит прощения.

Мужчина не просит прощения у наложницы. Самурай не просит прощения у того, кто ниже по статусу. Но странное дело, Мия почувствовала, что это не унизило, а возвысило Акио в ее глазах.

Стало легко-легко. Невысказанная обида была грузом, камнем на шее. Мия носила ее с собой все эти дни, а вот теперь избавилась в одно мгновение.

Она молчала, все еще пытаюсь осмыслить его слова и понять свои чувства, и напряженное ожидание на лице даймё сменилось бесстрастной маской.

— Не простишь? — сквозь зубы спросил он и отвернулся.

Мии показалось, что она упустила время. Что он сейчас уйдет. Она порывисто шагнула навстречу и ухватила его за рукав, пытаюсь удержать.

— Прощаю! Подождите!

Он обернулся, и у нее перехватило дыхание от его взгляда — столько желания и яростной тоски сейчас читалось на лице мужчины. Все слова вдруг забылись и стали неважными, остался только полный страсти взгляд.

Снова вспомнилась ночь мидзуагэ, когда она была покорной, а он — нежным. И

наслаждение, которое Мия испытала в его объятиях. По коже забегали сладкие мурашки. Мии вдруг очень захотелось коснуться его упрямо сжатых губ. Совсем легонько, как бабочка касается цветка.

Словно угадав ее желание, он стиснул девушку так, что стало больно.

Все мысли вылетели из головы, остался только голодный огонек в его глазах и теплое дыхание на губах.

— Я верю... что вы не хотели... обидеть меня... — проговорила она, запинаясь. Сама не понимая, что несет.

— Но я хотел, — очень тихо и грустно возразил Акио. — Тогда — хотел.

Поцелуй был похож на глоток саке в промозглый зимний вечер. От него по телу пробежала сладкая огненная волна, выдуло все мысли из головы. Мия прижалась к мужчине, покоряясь, отвечая, отдаваясь его воле. Он был то настойчив, то нежен, то почти груб. Прикусывал ее нижнюю губу, дразнился, вторгался в рот возбуждающей пародией на секс и снова целовал, разжигая внутри девушки голодное пламя.

Он оторвался от нее, пробормотал: «Моя!» — и застыл, стискивая в объятиях. Мия потянулась поцеловать его снова, чувствуя возбуждение и неудовлетворенность, но он отстранился.

— Нет. Или я возьму тебя прямо здесь. Я хочу тебя, Мия. Каждый день и каждую ночь. Хочу раздевать, ласкать, брать. — Его голос внезапно охрип. — Хочу знать, что ты только моя. Что никто другой больше не увидит твоего тела и не коснется... — Он осекся, а потом посмотрел ей прямо в глаза. — Тебе будет хорошо со мной, обещаю.

От его низкого хриплого голоса Мия задрожала. Отнюдь не от страха.

Сладко... сладко и безумно возбуждающе чувствовать себя настолько желанной для этого сильного мужчины.

— Поклянитесь, что не обидите меня больше!

— Клянусь! — Он прижал девушку к себе с такой силой, что у Мии вырвался задушенный писк, и выдохнул в полуоткрытые губы: — Не обижу! Больше — никогда!

Спуск с холма запомнился как в тумане. Мия чувствовала на себе вождедеющий взгляд, от которого полыхали щеки и уши, а в ушах еще звучали слова, сказанные им на вершине.

Конечно, она всегда знала, что Акио ее хочет. Но одно дело просто знать, а другое — услышать полное страсти признание.

Чтобы отвлечься от непристойных мыслей, девушка спросила у него, как она оказалась на Эссо.

— Я помню только, как вы спорили на берегу с тем господином. Он сказал, что вы скоро женитесь...

Акио усмехнулся:

— Уже не женюсь. Наместник не хотел отдавать тебя. И я его убил.

Мия споткнулась, остановилась и уставилась на него круглыми от изумления глазами.

— Убили?!

Это казалось абсолютно невозможным. И все же по лицу даймё было видно, что он не лгал.

Разве бывает так, чтобы высокородные самураи убивали друг друга ради какой-то гейши?

Акио тоже остановился и обернулся на нее. На лице даймё появилась чуть

снисходительная улыбка.

— Убил и не жалею об этом. Потом я увез тебя на Эссо. Ты была очень больна.

Из обрывков бреда и кратких проблесков сознания, которые сохранила память, всплыл образ офуро с нестерпимо горячей водой, повелительный голос: «Дай руку», — знакомое покалывание магии и жидкий огонь, хлынувший в пальцы.

— Вы лечили меня?

Он кивнул.

— Ты идешь? Или мне тебя на руках отнести?

Мия бездумно поплелась за ним. В голове билось рефреном: даймё Такухати убил ради нее человека. И не какого-то отщепенца, бродягу. Убил равного по положению.

Ради Мии...

— У вас будут проблемы? — наконец выдавила она.

— Справлюсь.

— А сёгун...

— Это не его дело. У Ясукаты нет права вмешиваться в дуэль чести. Но теперь Асано мои враги. О свадьбе не может быть речи.

Вот почему он не женится. Он собирался взять невесту из рода Асано, а из-за Мии это невозможно...

Мия почувствовала облегчение и радость при этом известии. И тут же устыдилась недостойного чувства.

Ей не хотелось говорить об этой женщине. Но она зачем-то спросила:

— Она красивая... ваша невеста?

— Моя бывшая невеста, — поправил Акио. — Да, красивая.

— Очень?

— Очень.

В груди что-то сжалось, стало трудно дышать. Мия уставилась себе под ноги.

Вот так! Не задавай вопросов, ответов на которые ты не хочешь слышать. Зачем Мии вообще знать о других женщинах Акио Такухати. Понятно, что он взрослый, опытный мужчина. И Мия у него не первая. И никогда не будет единственной...

Так принято. Наложница хранит верность своему господину, а не наоборот. Наложница не вправе требовать любви, достаточно того, чтобы господин заботился о ней.

Нет, Мия не станет больше спрашивать! Ей не нужно ответов...

— Вы любите ее? — выдавила девушка дрожащим голосом, нарушив только что данное себе обещание.

— Нет. Это был политический союз, Мия. Даймё не женятся по любви.

Ее облегченный вздох был таким громким, что Акио услышал и рассмеялся.

— Ты ревнуешь, лучшая ученица? — с подначкой спросил он, обнимая девушку за плечи.

— И вовсе я не... — возмущенно забормотала она, тщетно пробуя вырваться из его объятий. А потом поймала взгляд и затихла.

Он смотрел на Мию все с той же снисходительной улыбкой, совершенно не похожей на обычную свойственную ему высокомерную и отстраненную гримасу. Смотрел так, будто понимал лучше самой Мии, что сейчас происходит с девушкой.

Мия засмушалась под этим взглядом, затем рассердилась, но рассердилась не по-настоящему. За этим чувством как будто пряталось совсем другое.

Указательный палец медленно очертил контур ее губ.

— Я видел ее один раз в жизни. Красивых женщин много, Мия...

Она замерла, не зная, как понимать эти слова. Красивых женщин много, ты всего лишь одна из них, Мия? Или он хотел сказать что-то другое?

— Как ты оказалась на корабле?

— Я сбежала в Самхан.

Его глаза потемнели.

— От меня?

— От вас. И просто... Я не хочу быть гейшей. Это... грязно.

Мия почувствовала, как напряглись удерживающие ее руки.

— Тогда почему ты отказалась стать моей?

Дрожащим голосом, сбиваясь и путаясь, Мия рассказала о словах Асуки. О собственной доверчивости, переходящей в глупость, она говорила жестко, не пытаясь оправдаться.

— И ты поверила? — подытожил Акио ее рассказ.

Девушка всхлипнула, прижалась крепче и спрятала лицо у него на груди.

— Я кажусь тебе таким монстром, Мия?

— Да. То есть нет, сейчас уже не кажется, но раньше... Вы же связывали меня... тогда, в школе.

— Я не делал тебе больно, — резко ответил Акио.

Мия не удержалась и все-таки расплакалась. Ей было горько и стыдно.

Как просто могло бы все быть, если бы Мия тогда не поверила Асуке.

— Простите, — прошептала она. — Пожалуйста, простите меня! Я не хотела...

— Прощаю. Ну все, все, не реви.

Девушка прижалась к нему и заплакала еще горше. Акио устало вздохнул:

— Хватит, Мия. Я не люблю женских слез. Асука, значит. Она за это заплатит, обещаю.

Слезы высохли мгновенно. Мия отстранилась и с подозрением посмотрела на мужчину:

— Что вы хотите сделать?

Он улыбнулся, на этот раз неприятно и жестко:

— Эта девка полгода из кожи вон лезла, чтобы стать моей наложницей. Я ее выкуплю, а потом отдам в самый дешевый бордель Идогамы.

Мия содрогнулась от ужаса. У нее не было никаких теплых чувств к Асуке, но план мести Акио показался девушке просто чудовищным.

Еще мгновение назад рядом с этим мужчиной она чувствовала себя защищенной, а теперь снова стало страшно.

— Вы не сделаете этого, — прошептала она.

— Сделаю. И не спорь со мной, Мия.

— Нет!

— Ты слишком добрая девочка, я уже говорил тебе это. Подлость нельзя прощать...

— Вас я простила, — тихо сказала Мия.

Он осекся, а потом сердито сузил глаза:

— Считаешь, это одно и то же?

— Нет, — Мия бестрепетно выдержала его гневный взгляд, — я считаю, что если вы так поступите, то станете монстром. Таким, как говорила Асука. Понимаете?

Мужчина не спешил возражать, и это придало ей уверенности. Она порывисто схватила его за руку и заговорила все быстрее и увлеченнее:

— Отказаться от мести — не значит простить! Я поверила Асуке, поэтому виновата не

меньше нее. Забудьте об этой женщине, и вы накажете ее уже этим. Жизнь гейши и так безрадостна и полна унижений. Отдаваться каждую ночь любому, кто заплатит, и делать вид, что сама хочешь этого, — гадко.

Он медленно покачал головой.

— Ты судишь по себе, Мия. Я видел достаточно шлюх. Для них нет в этом унижения. Ты — другая. — Он потянул ее за руку. — Пойдем.

Что-то подсказало девушке: не следует настаивать дальше. На Акио Такухати нельзя давить. Его надо уговаривать, убеждать — ласково и осторожно.

Она пообещала себе, что вернется к этому разговору позже.

Глава 9

Наедине

Чем ближе они подходили к воротам, тем более смущенной и возбужденной чувствовала себя Мия. Акио продолжал смотреть на нее так, словно хотел съесть, и от его взгляда по коже бегали щекотные мурашки.

Девушка представляла, что он сделает с ней совсем скоро, когда они останутся наедине. От этих мыслей слабели ноги, а в животе появлялась приятная тяжесть.

Но у главного входа в Инуваси-дзё Акио со срочным вопросом перехватил начальник стражи. За его спиной маячил советник по налогам, глава купеческой гильдии и гильдии ткачей, и у каждого было дело, не терпящее отлагательств.

Чтобы не мешать мужчинам, Мия отошла в сторону. Начальник стражи держал в руках свитки и с жаром доказывал что-то. Акио слушал его речь со скептической гримасой. В присутствии других людей он неуловимо изменился. Сейчас во дворе замка стоял Ледяной Беркут с Эссо — жесткий и требовательный даймё.

Девушка почувствовала, как возбуждение уступает место разочарованию. Она ощутила себя ребенком, которому пообещали подарок и обманули.

Надо привыкать. Акио — даймё, он отвечает за всех этих людей. Наложница никогда не будет для него на первом месте.

Мия развернулась и побрела к входу в замок. Наверное, он придет к ней вечером...

Почему-то эта мысль совсем не утешила. Стоило ли бежать из «Медового лотоса», чтобы снова стать игрушкой для мужчины? Пусть для одного-единственного, а не многих. Пусть даже он будет внимателен и нежен, а Мию тянет к нему не на шутку.

Он будет приходить к ней поздно вечером или ночью. Усталый, может, злой, в поисках расслабления. Утолять желание и уходить в другую жизнь, в которой Мии нет места.

Девушка успела подняться до третьего этажа, когда сильные руки легли на плечи, заставляя замедлить шаг.

— Опять пытаешься сбежать? — раздался голос над ухом.

Мия замерла. От того, что он ее нагнал, стало одновременно приятно и стыдно. Как будто она ушла специально, чтобы привлечь его внимание, а это ведь неправда...

Ну, почти неправда.

— Вы даймё, у вас дела.

— Дела подождут. Сейчас я хочу тебя, Ми-я.

От того, как он медленно, чуть растягивая гласные, произнес ее имя, Мии стало жарко.

И вдвойне жарче стало от того, как он прижался к ней сзади, от сомкнувшихся на талии рук и хриплого дыхания над ухом.

— Я тоже хочу, — прошептала она едва слышно.

И взвизгнула в следующую минуту, потому что Акио подхватил ее на руки и понес.

— Пожалуйста, поставьте! Нас же могут увидеть!

Это так неприлично! На людях следует проявлять сдержанность. Даже гейша не даст мужчине прикоснуться к себе лишней раз за пределами чайного домика. Только самые дешевые шлюхи позволяют лапать себя перед случайными зрителями.

— Здесь никого нет.

Он поставил Мию на ноги перед дверью в ее покои.

— Пригласишь меня, Мия?

Девушка поклонилась, чтобы скрыть пунцовые от возбуждения щеки, и отодвинула дверь.

Внутри было темно от опущенных ставен, закатное солнце в щелях почти не давало света. Мия зажгла светильники и уставилась на циновку под ногами, не в силах поднять глаз на мужчину.

Он повелительно коснулся ее подбородка, заставляя поднять голову. И накрыл губами ее губы...

Возбуждение, которое Акио испытывал всю дорогу до замка, вырвалось наружу. За деревянной перегородкой остался весь мир — огромный и сложный. Остались обязанности, друзья, враги, планы...

Здесь, в полумраке комнаты, было место только для мужчины и женщины и таинства между ними.

— Моя! — шептал он, исступленно целуя ее и чувствуя, как она дрожит от желания, как отвечает — отвечает сама, без принуждения. Ему хотелось растянуть каждое мгновение в вечность, насладиться им до опьянения, пресыщения. А нетерпение и голод требовали взять ее сейчас — торопливо, грубо. Сбросить напряжение, войти в нее, толком не раздев, как в прошлый раз.

Он просунул девушке ногу между колен, почувствовал, как она трется о него и выгибается под его ладонями, и зарычал.

Какая идиотка завязывала на Мии пояс так, что его невозможно развязать? Акио дернул и выругался — узел под пальцами в ответ затянулся еще туже.

Нет, так нельзя. Он слишком спешит. Мгновения наслаждения надлежит вкушать, а не заглатывать.

— Повернись, — приказал он.

Узел не спешил поддаваться. Акио справился бы с ним быстрее, если б смог оторвать взгляд от тонкой девичьей шейки в ворота кимоно.

Как светится в полумраке ее бледная кожа! Она такая гладкая на ощупь, нежнее самого дорогого шелка.

Он не выдержал, припал к ней сзади, лаская губами оголенную шею. Мия вздохнула — негромко, но этот вздох, глубокий и возбужденный, какой-то очень женский, снова чуть не заставил его утратить контроль.

Пояс наконец уступил напору и скользнул вниз. Акио просунул руку под кимоно и снова чуть не выругался от разочарования.

— Сколько на тебе одежды!

— Я сниму, — пробормотала девушка прерывающимся голосом, но Акио отвел ее руки.

— Хочу сам.

Он делал это медленно, лаская Мию губами, руками и даже взглядом. Наконец полупрозрачная нижняя рубашка полетела в сторону, и Мия осталась обнаженной, если не считать смешного камушка на цепочке.

Инстинктивно она попыталась прикрыться, но Акио не дал. Перехватил ее запястья одной ладонью и вздернул, заставляя поднять руки над головой.

Мия стояла перед ним нагая и беззащитная. Теплый свет светильников гладил матовую кожу, подсвечивал соблазнительные изгибы тела, подчеркивал миниатюрность девушки, ее

неискушенность и слабость рядом с мужчиной.

У Акио перехватило дыхание, такой прекрасной она показалась ему в эту минуту. Он не мог отвести взгляда от приоткрытых влажных губ, совершенных полушарий груди, плоского живота, округлых бедер, тесно сдвинутых ног.

Сумерки не смогли скрыть краски смущения на щеках, шее и даже груди девушки. Акио всегда возбуждала ее стыдливость. Целомудрие и чувственность — сочетание, от которого любой мужчина утратит разум.

Девочка-женщина. Покорная и пылкая.

Ему захотелось распустить ее волосы, увидеть, как черные волны медленно скользят по плечам, оттеняя белизну кожи. Он выпустил ее руки, но она осталась стоять, держа их сведенными над головой в жесте открытости и подчинения. Только покраснела чуть сильнее.

Мии казалось, его взгляд греет и плавит кожу. Было стыдно и безумно хорошо, хотелось, чтобы он всегда смотрел на нее так. Ощущать себя рядом с ним слабой, зависимой, но при этом сознавать свою особую власть над этим мужчиной.

Он потянулся, чтобы вынуть шпильки из ее прически, и Мия поймала его взгляд. Синие глаза казались почти черными из-за расширенных зрачков.

— Я вам нравлюсь? — Она знала, что нравится, но хотелось услышать это от него. Столько раз, сколько ему не надоест повторять.

— Очень.

Одно простое слово, но от того, как он произнес это слово, внутри Мии что-то сладко и тревожно сжалось.

Ей вдруг захотелось стать для него особенной. Пусть Акио Такухати — опытный мужчина, пусть у него были десятки, даже сотни женщин, Мия станет лучшей. Незабываемой, единственной.

Сейчас все как будто подчеркивало их неравенство. Одетый взрослый мужчина — высокий, мускулистый, опасный. И обнаженная юная девушка — миниатюрная, тоненькая и гибкая, словно ивовая лоза.

Мии захотелось как-то выправить баланс. Доставить ему наслаждение, заставить задыхаться от ласк и молить о продолжении. Не только отдаться полностью, но и почувствовать, что он всецело принадлежит ей.

— Можно я тоже вас раздену?

— Нужно.

— Только не мешайте мне, хорошо? Вы любите делать все по-своему, но я тоже хочу сделать вам приятно. Вам понравится, правда. Меня учили...

Акио ласково провел пальцем по ее нижней губе.

— Ну покажи, чему тебя научили, лучшая ученица.

И Мия показала.

Она не просто помогала избавиться от одежды, но ласкалась, гладила его тело ладонями, целовала и прикусывала кожу. Искала чувствительные точки, с восторгом ощущая, как он — такой мощный и опасный — вздрагивает и замирает под ее ласками. Власть над этим красивым и сильным мужчиной пьянила, сводила с ума.

С жадным трепетом Мия ловила смену ритма дыхания, подмечала, как чуть напрягаются мышцы в ответ на ее прикосновения. Ей хотелось довести его до неистовства, подарить наслаждение, подобного которому он никогда не испытывал с женщиной.

Когда он остался полностью обнаженным, она встала на цыпочки, потянувшись к шнуру

в его волосах. Он улыбнулся — очень мягко — и спросил, почти касаясь губами ее губ:

— Что ты хочешь сделать?

— Распустить.

Он позволил ей это сделать. Черные пряди упали на спину, разметались по плечам.

Вместе с одеждой как будто рухнули преграды. В комнате уже не было даймё и наложницы, самурая и гейши. Остались только мужчина и женщина — обнаженные, как в миг рождения, открытые друг другу полностью.

Акио подхватил девушку на руки и уложил на постель, осыпая поцелуями. Закинул ее ногу себе на бедро, намекая, что устал ждать и прелюдия не будет долгой.

Ей хотелось этого. Тело почти умоляло о вторжении. Отдаться ему, почувствовать на себе и внутри. Но Мия подумала, что все женщины, которыми он обладал, были такими — молчаливыми, покорными, действующими по его воле. И не захотела становиться одной из них.

Она уперлась ему в грудь ладонями, попыталась отодвинуть. Это было все равно что двигать скалу. Кажется, он даже не заметил ее усилий.

— Нет.

— Что значит — нет? — прорычал Акио, оставляя багровый засос на тонкой шейке.

— Пожалуйста, не так.

— А как? — Он остановился, нависая над ней. — Чего ты хочешь, Мия?

— Позвольте мне самой! Я хочу доставить вам удовольствие.

Он выглядел удивленным, и Мия заподозрила, что для него куда привычнее дарить ласки, чем принимать. Акио слишком любит все контролировать, чтобы позволить кому-то решать даже в такой малости.

Но он все же подчинился мягкому нажиму ее рук, лег и полностью отдался прикосновениям девушки.

Желтые блики огней плясали на рельефном теле, Мия потерлась щекой о его грудь, вдыхая мускусный запах — запах хищника. С поцелуями спустилась ниже, вдоль дорожки коротких черных волос внизу живота. Уже без страха, но с внутренним трепетом сама положила ладонь на возбужденную плоть, чуть сжала, двинула рукой, с жадностью вглядываясь в его лицо. Акио прикрыл глаза и тяжело выдохнул сквозь зубы. Это вдохновило, Мия опустила голову, коснулась губами бархатистой кожи.

Она пустила в ход все свое искусство «игры на флейте». Ласкала губами, язычком, меняла ритм, впускала его то почти на всю длину, то совсем неглубоко. И дважды, почувствовав, что он близок к пику, останавливалась, чтобы надавить на определенную точку. Как учила делать госпожа Оикава, чтобы продлить наслаждение.

Его дыхание становилось все более глубоким и хриплым. Акио резко двигал бедрами ей навстречу и, кажется, был в шаге от того, чтобы нарушить их договор, навалиться на девушку и овладеть ею. Почувствовав это, Мия усилила ласки, задвигалась быстрее.

Он надавил ей на затылок, не давая отстраниться. И протяжно хрипло застонал.

Мия ощутила гордость и радость. Единственное, о чем она сожалела в это мгновение, — это невозможность видеть его лицо.

Она облизнулась, прильнула к нему, устроив голову на плече мужчины, и лукаво заглянула в глаза.

— Вам понравилось?

Она была такой хорошенькой в это мгновение. Блестящие глаза, чуть припухшие

влажные губы, счастливая улыбка. Акио запустил пальцы ей в волосы, медленно накрутил на кулак, сжал.

— Ведьма... Ты настоящая ведьма, Мия.

Девушка зарделась от удовольствия.

— Я старалась.

— Мне понравилось.

Ему очень понравилось, несмотря на неудобное отсутствие контроля.

Акио не позволял женщинам проявлять активность в постели. Как правило, гейши делали это в надежде на хорошие чаевые, а он ненавидел, когда любовница видела в нем кошелек с монетами. Искусственные стоны и имитация желаний будили в Ледяном Беркуте отвращение и брезгливость. Акио было важно знать, что женщина хочет его, поэтому в близости он всегда стремился довести партнершу до экстаза, заставить отбросить все выученные ужимки.

Но Мия не лгала. Она действительно хотела доставить ему удовольствие, не ожидая вознаграждения. Это читалось сейчас на ее сияющем лице.

— Мне тоже понравилось делать... это, — призналась она и слегка покраснела.

Она была невероятно, убийственно соблазнительна в своей порочной наивности. Глядела на него снизу вверх — доверчиво, готовая отдаваться полностью. Чувственная и нежная, невинная и развратная.

Он почувствовал, что снова готов ее взять.

Но вместе с вожделением, которое Акио испытывал к этой девушке, он вдруг ощутил странную неуверенность. Мия словно сдирала с его души наросшие за годы щиты и доспехи. Слой за слоем снимала, как снимала до этого одежду, заглядывала куда-то глубже, за совершенную личину Ледяного Беркута, в самое сердце. Туда, куда сам Акио предпочитал не смотреть лишней раз.

Это было непривычно и немного неудобно.

Если бы она что-то требовала, атаковала, он бы нашел, как оттолкнуть ее. Но она ничего не просила, только предлагала.

— Теперь моя очередь, Ми-я, — прошептал он ей на ухо, прихватывая мочку зубами.

Прерывистый вздох и подернутый поволокой взгляд были наградой.

Идеальная... она была идеальной. Слово созданной специально для него. Женщина-девочка. Женщина-мечта. Он пытался и не мог насытиться ею. Вдыхал сладкий запах ее кожи, целовал каждый длинный изящный пальчик и руки, поднимаясь от запястья к сгибу локтя. Это место оказалось особенно чувствительным, от каждого прикосновения губ Мия чуть вздрагивала в его объятиях. Покрывал поцелуями плечи, трогательные впадинки ключиц, незащищенную, доверчиво подставленную шею...

Грудь — маленькая, упругая, с бледно-розовыми сосками. Он сжимал, прикусывал и терзал их пальцами и губами, слушая, как тихие стоны становятся все громче. Мягкий животик, чуть выступающие косточки на бедрах. Он заставил ее согнуть ногу в колене, потом положил себе на плечо. Погладил под коленкой. Мия дернулась и хихикнула:

— Щекотно!

— А так? — Акио прижался губами к внутренней стороне бедра чуть выше колена. Девушка глубоко выдохнула:

— Так приятно...

Чем ниже он спускался с поцелуями, скользя щекой по шелковистой нежной коже, тем

сбивчивей становилось ее дыхание. Он раздвинул бледно-розовые лепестки и прошелся языком, пробуя ее вкус. Сладкая. Даже здесь сладкая. Девушка ахнула и дернула бедрами, выпрашивая еще ласки.

Акио почувствовал терпкий запах ее возбуждения, от которого мутилось в голове и хотелось взять ее сейчас, немедленно, грубо и властно. Тяжело заныло в паху. Охватил губами скользкий бугорок и услышал в награду глубокий возбужденный стон.

Он ласкал ее губами и языком, чуть прикусывал трепещущую плоть, пьянея от ее запаха, вкуса и прерывистых вскриков.

— Пожалуйста, не останавливайтесь, — жалобно всхлипнула Мия, когда Акио оторвался от бедер. — Пожалуйста!

— Нравится? — вкрадчиво спросил он, прижимаясь к девушке сзади и целуя ее в полуоткрытые губы.

Она зажмурилась и прошептала: «Да!»

— Думаю, это тебе понравится еще больше.

Его рука проникла меж призывно раздвинутых бедер, и Мия задвигалась в ответ, сама насаживаясь на пальцы. Она была не просто влажная — мокрая. Второй рукой он стиснул грудь, пощипывая и сжимая сосок.

Стоны превратились в крики. Сводящий с ума сладкий запах, нежная кожа под пальцами, изящное девичье тело в его объятиях.

Ему захотелось как-то пометить ее, оставить знак, что она принадлежит ему, и только ему. Заявить свои права так, чтобы никто и никогда не смог их оспорить. Акио прижался губами к шее, оставляя еще один засос, ниже первого.

Не то! Следы сойдут, все забудется. Он должен сделать ее своей навсегда...

Он вошел в нее сзади, резко, и застонал, ощутив, какая она узкая, горячая и влажная. Задвигался медленно и мягко. Каждый раз, когда он погружался в нее полностью, она вскрикивала на выдохе — чуть хриловато, беспомощно и безумно возбуждающе.

Мия отдавалась без остатка, раскрывалась до конца, и Акио потерял контроль. Все на свете стало неважным, кроме женщины рядом — чувственной, покорной, жаждущей. Он повторял ее имя и рычал ей на ухо «моя!», оставляя укусы и засосы на жемчужно-белой коже.

Девушка изогнулась в его руках, замерла, тяжело дыша, а потом дернулась и протяжно всхлипнула. Он почувствовал, как она пульсирует и сжимается там, внутри, и не смог сдержаться. Стиснул пальцы на ее бедрах до синяков, прижал к себе так тесно, как только мог...

Удовольствие было не менее ошеломительным и ярким, чем в первый раз.

Мия лежала в его объятиях совершенно без сил. После пережитого не хотелось говорить или двигаться. Она вся пропиталась его запахом, плечи горели от укусов, широкие жесткие ладони обнимали ее талию, а на бедрах, похоже, опять будут синяки от пальцев. Словно Акио пытался везде оставить свои метки.

И она все еще чувствовала его внутри.

Девушка попыталась пошевелиться, и он недовольно заворчал, прижимая ее к себе крепче.

— Не уходи, — прошептал он ей на ухо. — Ты сладкая, Мия. И пахнешь сакурой.

— Я пахну вами. И я не уйду.

— Это правильно. — В его рычащем голосе послышалось урчание сытого хищника. Он

потерся носом о ее шею, прижался губами к коже под ухом. — Тебе было хорошо, Мия?

Ей было хорошо. Даже лучше, чем в ночь мидзуагэ. Возможно потому, что сейчас в близости не ощущалось оттенка принуждения. Мия была вправе отказаться, но она сама пожелала этого мужчину.

— Очень, — тихо ответила девушка. — Только вот здесь...

Она наморщила носик и потерла плечо, где саднил и ныл след от особенно глубокого укуса.

— Больно? — Акио отодвинул ее пальцы и поцеловал след. На мгновение ожгло холодом, а потом боль прошла. — Прости. Я увлекся. Буду осторожнее. Ты такая красивая, Мия.

Еще несколько несущих прохладу поцелуев, легких, как прикосновение крыльев бабочки. И руки, ставшие вдруг такими удивительно нежными. Пальцы, ласкающие и поглаживающие Мию так бережно и осторожно, словно она может рассыпаться от небрежного прикосновения.

Сейчас в ласках не было страсти, они убаюкивали, расслабляли. Мия закрыла глаза. Все пугалось, тонуло в темноте и блаженном изнеможении. На границе сна и яви ей запомнился хриплый мужской голос, шепчущий невозможные, будоражащие кровь признания...

Но это, должно быть, уже было сном.

Глава 10

Когда не веришь снам

В просторном жилище старосты сегодня было не протолкнуться. Под крышу набилось полдеревни. Пахло рисовыми лепешками, sake и разгоряченными телами. Сельчане сидели вплотную, не сетуя на тесноту. Оживленные разговоры то и дело перемежались громовыми раскатами хохота, от которых содрогались бамбуковые стены.

И как не захохотать, когда пришлый монах так уморительно изображает сценку с гейшей и самураем в лицах! Как жеманно он семенит, как потешно складывает губы дудочкой. И тут же, ухватив метлу на манер катаны, перевоплощается в грозного даймё, который требует от прелестницы любви.

Ну затейник!

— Ах, я не могу, я не такая, — просюсюкала «гейша», стыдливо прикрывшись заслонкой от очага, призванной изображать веер.

— Чего же ты хочешь, о женщина? — возопил «самурай».

Женщина хотела сладостей. И чтобы ухажер почитал ей стихи. И маленькую собачку. И пройтись с ним под цветущей сакурой. И золотых украшений. Набор шпилек, инкрустированных рубинами. И личный норимон с десятком носильщиков. И дом в столице. И...

Перечисление затянулось, но, когда корыстная дева иссякла, не в силах придумать что-то еще, и кокетливо выглянула из-за веера, оказалось, что ухажера след простыл. В возмущении гейша забегала, заламывая руки и расспрашивая зрителей, не видели ли они «подлого обманщика».

Крестьяне хохотали, хлопали себя по ляжкам и отрицательно качали головой.

Напоследок снова появился «самурай» и потребовал налить ему sake, дабы скрасить горечь от поражений на любовном фронте. Требование было немедленно исполнено, и домик снова наполнился разноголосицей.

Посиделки затянулись, крестьяне расходились неохотно, но в итоге за столиком остались только монах, изрядно поддатый староста и огромная бутылка с sake.

— А я ведь к вам по делу, — задумчиво сказал монах, прикладываясь к чарке. — Ищу одну женщину. Сачи Сайто ее звали, лет пятнадцать назад пришла в деревню из-за кряжа с маленьким ребенком.

Староста подозрительно сощурился:

— Зачем ищешь?

— Да вот, дядюшка у нее умер, друг мой хороший был. Никого родных, одна Сачи да дочурка ее. А я вроде как обещался ему разыскать родственницу. Теперь бегаю по всему Рю-Госо, чтобы отдать наследство.

Собутыльник развел руками:

— Померла Сачи. Еще восемь лет назад к предкам отправилась.

— Печально. Ну, за упокой!

За упокой староста выпил с удовольствием. Даже облился. Отер sake рукавом с подбородка, поморщился:

— Не любили мы ее. Пришла незнамо откуда. И неженка была, говорила непонятно, нос задирала. Подумаешь, писать-читать умеет! Зато козу подоить по первости подойти боялась,

тьфу! И гонору...

— Понимаю, — поддакнул монах. — Женщина должна знать свое место. А она не знала, говоришь?

— Да какое там...

Староста начал горячиться, с растущим возмущением вспоминая реальные и мнимые пороки почившей женщины. Пришла Сачи из-за гор, сказала, что была с мужем, но по дороге на них напали сикомэ и растерзали ее спутника. Это сразу показалось старосте подозрительным. Если мужчину растерзали, то почему ее с ребенком не тронули?

Речь и внешний вид незнакомки тоже вызывали подозрения. Слишком ухоженные ручки, белая кожа, не знавшая солнца. Она утверждала, что ее муж был самураем, но из простых, деревенских. Староста знал, как выглядят и такие самураи, и их жены — они немногим отличались от крестьян, разве что одевались чуть лучше.

Ясно же — сбежала от кого-то, пряталась. Может, из чайного домика, может, наложница.

Тем не менее он проявил доброту к пришлой. Позволил ей занять покосившийся домик на окраине, который пустовал уже несколько лет. И даже был настолько щедр, что предложил помощь. Но она, невесть что возомнившая о себе гордячка, осмелилась отказать.

— И еще посмотрела так... как на погань какую, тьфу ты! Как будто сама не одна с дитем, без мужа. Но вишь ты, староста ей не люб!

Он ушел, оскорбленный в лучших чувствах, и забрал мешок с рисом, который принес, чтобы умаслить красотку. Еще и бросил напоследок: «Сама приползешь на коленях». Ждал, что приползет. Одна же, без мужика! И не умеет по хозяйству — разве работают в поле с такими ручками? Видно, что ничего тяжелее ложки не держала.

Не ради себя, так ради малышки приползет. Вон дите как жалобно плачет и кушать просит.

Но прошел месяц. Другой. Женщина спала с лица, под глазами залегли черные тени, ну чисто панда. При встрече староста издевательски кланялся ей и намекал на мешок с рисом — мол, стоит еще, ждет. Уже и не хотел ее, до того подурнела, но зло заедало и гордость.

Сказал — приползет.

Не приползла. Брала рис у соседей, всегда честно возвращая одолженное. Научилась кое-как вести хозяйство. Домишко ее кривой-косой, на подгнившей опоре, заливало в дожди. В щели задували ветра, малышка болела и кашляла, Сачи не спала ночей, отпаивая ее целебным сбором, выменянным на последнюю миску риса, а с утра шла в поле работать.

Прижилась, освоилась, стала своей среди крестьянок. Те уважали ее за доброту и какое-то глубинное достоинство. И только староста при встрече кривился и отводил глаза.

Остался какой-то осадочек в душе. Всякий раз при взгляде на Сачи, а потом и на ее малышку, которая подросла и всю носилась по деревне с другой ребятней, он чувствовал самому не до конца понятное раздражение.

Ишь ты, императрица неузнанная!

Можно было сдать ее властям. Или пригрозить, что сдаст. Небось тогда бы не отказала. Но больно гадким выходил этот поступок. Раз уж принял, позволил остаться, пусть живет.

Так она и жила. С другими сельчанами близко не сходилась, держалась особняком. Дочка ее росла настоящей красоткой на погибель деревенским парням. Глазищи вполлица, кожа белая, как у благородной. Послушная была девочка, хорошая, помогала матери, как умела.

А потом пришел тот проклятый год. Год, когда даймё всего юга пожелали отделиться от Благословенных островов. В соседнюю провинцию сёгун направил армию во главе с генералом Такухати, чтобы тот выжег смуту огнем и мечом. А на Рю-Госо наслал эпидемию Желтой смерти...

Бунт захлебнулся. Обезумевшие от ужаса крестьяне и солдаты сами ворвались в замок даймё, чтобы уничтожить бунтовщиков, но болезнь уже гуляла по деревням.

Сачи Сайто была в числе умерших.

— А девочка? — спросил монах, слушавший откровения старосты с превеликим вниманием. — Она здесь, в деревне?

Тот скривился:

— Кто бы ее кормить стал? У нас тогда полдеревни вымерло, и больше взрослые. Я продал Мию в школу гейш «Медовый лотос», в двух днях пути на юг, вон за той горой.

Не будь староста так умопомрачительно пьян, он бы непременно заметил, каким обалдевшим стало лицо монаха при этих словах.

Эти сны всегда начинались одинаково, на крохотном скалистом пяточке между океаном и огненной землей. Приходил Джин в облике огромного огненного тигра, превращался в человека и переносил ее к горячим источникам или заброшенному храму с самодельными циновками на полу. Туда, где они узнали друг друга впервые. Где безопасно, безлюдно и так хорошо, так сладко любить друг друга.

Мия с нетерпением ждала прихода этих пугающе реалистичных грез. Чувственные и жаркие, они были ее тайной отрадой.

Но сейчас, увидев под ногами знакомый обрыв и перекатывающиеся кольца дракона внизу, она вместо радости ощутила тоску.

Это неправильно! Почему она продолжает грезить о Джине, если согласилась стать наложницей Ледяного Беркута? Если приняла это решение добровольно и отдалась даймё Такухати с радостью?

Можно сделать вид, что ничего не случилось. Разве властен человек над своими снами?

Но это будет ложью.

Мия чувствовала, знала — этот сон в ее власти. А если так, она должна выбрать.

Нельзя отдаваться одному мужчине, мечтая о другом. Это унизит ее и унизит Акио.

Сны или реальность? Самханский лазутчик или даймё Эссо? Предатель или человек, спасший Мии жизнь?

Нет, здесь нельзя выбрать разумом, как выбирают коня или ткань для нового кимоно на базаре! Нужно спрашивать сердце.

А сердце не спешило с ответом.

Джин... Он снился ей в пугающе чувственных снах. Пылкий и опытный любовник, веселый рассказчик, внимательный друг. Просыпаясь, Мия чувствовала себя такой несчастной и одинокой, что хотелось плакать в подушку. Она злилась на свою неспособность забыть самханца, но засыпала с надеждой увидеть его.

Мужчина, которому Мия спасла жизнь. В которого влюбилась — впервые в жизни, со всем пылом, свойственным юности. А он вел себя сдержанно, ничего не обещал, кроме того, что увезет ее в другую страну. В его объятиях Мия впервые познала наслаждение, а потом он изменил ей и исчез, так и не сдержав обещания.

Акио... Он хотел ее с первой встречи и не скрывал этого. Не желал понимать слова

«нет», оскорблял и пугал Мию своей настойчивостью.

Но он же защищал ее всегда, когда в этом была необходимость. Защищал, лечил, отдав столько силы, что волосы и сейчас отрастают на ладонь в день. Спас от демонов и наместника, выкупил на мидзуагэ...

В душе он не такой, каким показался ей при первой встрече. За надменной и жестокой маской Ледяного Беркута прятался кто-то другой. Незнакомец, которого Мия пока не знала, только догадывалась о его существовании.

После прошлой ночи Акио стал ей ближе, будто они познали друг друга не только телом, но и душой. Вожделение, которое Мия вызывала в сильном и могущественном мужчине, льстило ее самолюбию. Но кроме тщеславия девушкой двигали иные, более глубокие и достойные чувства — восхищение, уважение, благодарность.

Акио Такухати притягивал и пугал. Рядом с ним Мия чувствовала себя слабой, но если раньше в этой слабости был привкус безнадежности, то теперь она стала сладкой. И гордость, прежде оскорбленно требовавшая забыть мужчину, который видит в Мие лишь постельную утеху, вдруг встала на его сторону. Теперь гордость велела показать все, на что способна его наложница, доказать Акио, что Мия достойна большего.

Теплые руки легли на плечи. Губы скользнули по шее, лаская, согревая дыханием.

— Почему я забываю тебя, когда просыпаюсь? — печально спросил голос над ухом. — И почему вспоминаю, когда попадаю сюда снова?

— Потому что я так хочу. — Ответ родился сам собой, раньше, чем разум успел осознать вопрос. Мия высвободилась из объятий и взглянула в упор в зеленые раскосые глаза.

Сердце сжалось от предчувствия разлуки. Она всматривалась в благородные черты лица: тонкий нос, высокие скулы, мужественный подбородок, мягкие губы, которые столько раз целовали Мию и шептали ее имя. Рыжие волосы отрасли, теперь он собирал их в хвостик, но слишком короткие непокорные пряди спереди торчали смешными вихрами...

Идеальный мужчина. Фантом, созданный ее тоской по несбывшемуся.

Мия знает, каков реальный мужчина. Тот, кто ждет ее за порогом сна. У него колючие синие глаза и неуживчивый характер. Стальные пальцы, раз за разом оставляющие синяки на нежной коже, и хриплый голос, от которого внутри все плавится и находит приятная слабость.

С ним не будет просто, но он — настоящий.

— Не приходи ко мне, — четко выговорила Мия, глядя прямо в глаза Джину. — Я больше не хочу, чтобы ты мне снился.

Сон ушел мгновенно. Джин сел на циновке, глотая воздух ртом и вглядываясь в темноту каюты невидящими глазами.

Пахло благовониями и просмоленным деревом, за тонкой стенкой мерно шелестели волны.

— Что за ёкайские проделки? — громко спросил Джин и сам удивился, как сдавленно прозвучал его голос.

Он опять не помнил своего сна, но если раньше это вызывало только легкую досаду, то теперь в голове навязчиво что-то билось, стучало: «Опоздал!»

Попытка вернуть улетевшее видение отозвалась резкой болью в висках. Принц встал, выругался, наткнувшись впотьмах на угол столика.

— Шутишь со мной, старик? — сквозь зубы спросил Джин у морского божества, но тот,

как всегда, промолчал. В каюте было тесно и душно. Джин с досадой отодвинул в сторону дверь и протиснулся в слишком узкий для него дверной проем.

Чтоб ему пусто было, повелителю морских драконов! Можно подумать, потомок огненного бога жаждет неделями болтаться посреди чуждой стихии.

Холодный ночной воздух остудил разгоряченное лицо. Что же ему снилось? Почему, откуда эта тоска и щемящее чувство утраты?

Справа, слева, позади простирался океан — молчаливый и обманчиво безмятежный. Он молчал.

Впереди, в неделе пути ждала Оясима.

Староста отрубился прямо на циновке. Вытянулся и захрапел, распространяя вокруг себя запах перегара. Низенький монах поскреб затылок, задумчиво оглядел немолодого и рыхлого мужчину.

— Признаться, я в затруднении, — обращаясь то ли к самому себе, то ли к спящему, произнес монах. — Вроде и гадкий ты человечешко, но не сказать, чтобы совсем пропащий. Зла не сделал, хоть и мог. К тому же, не продай ты Мию, я бы не имел возможности развлекать этим вечером добрых поселян, а посему мстить тебе вроде как не за что. Но все равно хочется...

Он еще постоял, потом щелкнул пальцами, словно пришел к какому-то решению, и принялся за дело. Извлеченным из очага угольком разрисовал лицо спящему, превратив его в подобие карнавальной маски демона-они. Волосы и жидкую бороденку заплел в мелкие дурацкие косички. Небрежными стежками сшил рукава одежды и связал ноги пеньковой веревкой — легко, чтобы не перекрыть тока крови, но так хитро, чтобы, встав спросонья, человек непременно навернулся. Выплеснув половину воды из глиняного кувшина у изголовья, щедро долил туда рисового уксуса. Остатки уксуса монах вылил в бродившее в огромной бочке на заднем дворе sake.

Проделав эту и еще с десяток подобных пакостей, он прихватил початый мешок с рисом и кулек с сушеными сливами, поклонился домику старосты и был таков.

Глава 11

Пробуждение

В этот раз Мия проснулась первой.

Ее щека уютно устроилась на широкой мужской груди. Акио прижимал девушку к себе и, как будто этого было недостаточно, намотал на руку отросшие волосы, превратив их в созданный самой природой поводок. Оставшейся длины хватало, чтобы отодвинуться или повернуться, но уйти, не разбудив мужчину, Мия не могла.

Несколько мгновений она лежала, прислушиваясь к его дыханию и своим ощущениям.

Уходить не хотелось. Но очень хотелось освободиться. Чтобы знать — Мия может уйти. Когда пожелает.

Она попыталась аккуратно высвободить волосы, но в ответ Акио недовольно проворчал что-то и, не просыпаясь, сжал объятия, удерживая свою добычу.

Если разбудить даймё, он отпустит волосы. Но Мии вдруг стало любопытно. Девушка поняла, что впервые видит Акио Такухати спящим, и ей захотелось рассмотреть его поближе. Сейчас, пока он лишен всех привычных щитов и масок. Возможно, тогда она сможет чуть лучше понять человека, который распоряжался полностью ее жизнью. Или понять, зачем она ему.

Дождавшись, пока дыхание мужчины снова станет ровным и глубоким, а объятия ослабнут, Мия чуть приподнялась, вглядываясь в лицо даймё, словно видела в первый раз.

Во сне он был другим.

Черты лица неуловимо изменились, стали мягче. Исчезла жесткая складка у края красиво очерченных губ, вечно хмуро сдвинутые брови разошлись в стороны, чуть вздрагивали густые темные ресницы, скрывая холодное синее пламя.

Девушке вдруг до зуда в кончиках пальцев захотелось коснуться его лица. Провести по краю щеки, скулам, подбородку — запоминая, изучая.

На доверчиво откинутой шее часто билась жилка. Скользнуть бы вдоль нее языком, попробовать на вкус его кожу. Но тогда даймё точно проснется.

Его черные волосы разметались по подушке. Мия робко пропустила сквозь пальцы несколько прядей. Жесткие, почти как конская грива. Он не выбривает макушку, просто собирает их в хвост на затылке. Ему идет.

Она все же не удержалась и провела кончиками пальцев вдоль его плеча, очерчивая мускулы. Его смуглое тренированное тело завораживало. Можно сотни раз повторять себе, что внешняя красота в человеке не главное, но нельзя перестать восхищаться ею.

Широкие плечи, сильные руки с проступающими под кожей венами. Тело воина. Он ведь отработывает удары с катаной каждый день. Гейши в «Медовом лотосе» говорили, что даймё — лучший в кэмпо среди самураев Оясимы. В памяти всплыла картина, подсмотренная несколько месяцев назад в школе. Короткий свист меча, почти незаметное глазу движение, игра мускулов под чуть влажной от пота кожей — это было так красиво! Мия хотела бы увидеть еще раз его тренировку. Может, он разрешит посмотреть...

Взгляд скользнул ниже. По четко очерченным мышцам груди и живота к возбужденному члену. Девушка уставилась на него, ощущая одновременно смущение и любопытство. Конечно, она прекрасно знала, как устроены мужчины. Наставницы на занятиях уделили немало времени этому вопросу, да и практики с фантомами было предостаточно... Но в том,

чтобы вот так жадно рассматривать не абстрактный каменный фаллос или иллюзию в генсо, а живого, опасного мужчину, с которым ты провела ночь, было что-то очень волнующее. И член так непристойно торчал, наводя на стыдные фантазии. Мии захотелось положить на него руку, чуть сжать, провести, ладонью ощущая выступающие вены, поцеловать...

Она вспомнила его вкус и покраснела. Ей действительно очень понравилось дарить ему наслаждение. Лаская его, Мия ощутила, что не только она принадлежит этому мужчине, но и он принадлежит ей. В тот момент она до того поверила в это, что даже осмелилась бы назвать его «своим».

Но вряд ли даймё согласится. Наложница принадлежит самураю, а не самурай наложнице.

На душе стало горько, и девушка отвернулась. Как глупо и неправильно устроен человек — всегда хочет большего. Разве она не мечтала, чтобы даймё Такухати назвал ее своей и забрал из чайного домика? А вот теперь, когда он спас Мию, убив равного, поклялся не обижать ее, окружил заботой, сделал своей, она опять чем-то недовольна. Неблагодарная.

Она снова как замороженная уставилась в лицо спящему. Какой он все-таки красивый. И опасный. Прозвище «Ледяной Беркут» ему удивительно подходит, в этих резких чертах есть что-то птичье. Не зря его предок умел оборачиваться гигантским белым беркутом. Хищно растопыривший когти орел на знаменах Эссо, должно быть, и есть тот самый Такэхая. Повелитель северных ветров, льдов и туманов, бившийся с драконом и проигравший ему...

Ресницы дрогнули. Мужчина открыл глаза.

Мгновение он смотрел на Мию с недоумением только что разбуженного человека, а потом по губам даймё скользнула улыбка. Она красила его лицо, делала привлекательнее и моложе. Сейчас перед Мией лежал Ледяной Беркут, но он словно надел маску не до конца. Сквозь нее проглядывал незнакомец, которым Акио становился во сне.

Он же вправду только что проснулся? Не видел, как она его разглядывала? Или видел?

— Доброе утро, господин, — шепотом сказала Мия и покраснела.

— Мия!

Мия снилась ему — покорная, нежная, сладкая. И первым, что он увидел, проснувшись, было ее лицо. Встрепанная после сна, с блестящими глазами и румянцем на щеках, она была невозможно соблазнительной и хорошенькой. Совершенно без причины Акио почувствовал себя счастливым — почти позабытое чувство из детства.

Он провел по ее нижней губе, намекая на поцелуй, и девушка, повинаясь какому-то инстинкту, поймала кончик пальца губами и разомкнула рот, впуская его внутрь.

Акио замер. Мия медленно обвела языком вокруг пальца, не отрывая взгляда от враз потемневших глаз даймё. И так же медленно, не прекращая ласкать и облизывать, заглотила его целиком. Она делала это намеренно неторопливо, испытывая его терпение и наслаждаясь тем, какой эффект производит это простое действие на мужчину рядом.

Он перестал дышать. Расширенными зрачками смотрел, как девушка подается то вперед, то назад в пикантной пародии на вчерашние ласки. Округлившиеся губы охватывали и сжимали палец, Мия покусывала его — легонько и нежно — и бросала дерзкие взгляды снизу вверх. Горячо заныло в паху, ушли все мысли, осталось только зверское желание раздвинуть ей ноги, войти, выплеснуться. Бросились в глаза засосы на тонкой шейке — его метки. Темно-лиловые, они выделялись на бледной коже, как клеймо. Акио почувствовал, что у него темнеет в глазах от возбуждения. Маленькая ведьма! Она прекрасно понимала, что делает, когда начинала эту игру!

— Дразнишь меня, лучшая ученица?

Он выдернул палец из ее жаждущего ротика и положил руку девушке на затылок. Вторая рука, все еще удерживавшая волосы Мии, сжалась в кулак. Акио потянул, принуждая ее лечь на себя.

Поцелуй был напористым и жадным. Акио заставил ее раскрыть губы, вторгся языком внутрь, изучая и подчиняя. Мия почувствовала, как жесткая ладонь скользнула вниз вдоль спины по чуть выступающим позвонкам, надавила на талию, сжалась на ягодице, притискивая крепче свою добычу. Бедром она ощутила его напряженный член и задохнулась от внезапно нахлынувшего возбуждения. Словно Акио влил в нее свое желание вместе с поцелуем. На коже полыхнули оставленные им вчера метки, соски съежились, став похожими на маленькие горячие камушки. Мия чуть потерлась о его тело, чувствуя, как низ живота наливается пульсирующим теплом, а мысли растворяются в желании принадлежать этому мужчине, снова почувствовать его внутри.

Акио оторвался от ее губ лишь для того, чтобы потянуть девушку вверх и прижаться губами к ее груди. Облизал сосок, втянул в рот, лаская и поглаживая языком. Оторвался, чтобы подуть. Прикосновение холодного воздуха заставило Мию вздрогнуть и прерывисто вздохнуть.

Как и вчера, эти прикосновения его языка, губ и пальцев просто сводили с ума, лишали воли, превращали ее в послушную глину в умелых руках гончара. Не хотелось ничего, только всхлипывать и умолять его не останавливаться.

— У тебя красивая грудь, Ми-я. Как два персика. Так и хочется укусить. — В подтверждение своих слов Акио игриво куснул сосок и довольно сощурился, услышав очередной стон. — Ты такая чувствительная. Тебе ведь нравится, когда я делаю так? — Он чуть сжал пальцы, глядя в ее затянутые поволокой глаза.

— Да, — с придыханием призналась Мия. — Мне нравится все, что вы делаете.

Ей нравился секс. Нравилась властность Акио в постели. И до одурения, до сладких мурашек нравилось, как в его глазах при одном взгляде на Мию разгорается голодное пламя. Хотелось бросать ему вызов, дразнить снова и снова...

Подчиняясь его желанию, она легла на спину. Акио выпустил волосы, и они разметались по футону черными кольцами. Жесткие, в мозолях от катаны, руки накрыли грудь. Сжались, погладили. Контраст смуглой и перламутрово-бледной кожи завораживал и возбуждал.

— Такая нежная... — хрипло сказал он, чуть сжимая пальцы. — Словно шелк.

Акио наклонился и провел языком от камушка, лежащего между грудей, до ямки пупка, шумно выдохнул «сладкая!» — и снова склонился над девушкой. Он целовал ее, прикусывал кожу, ласкал губами и языком и никак не мог насытиться ее телом.

Мия металась, постанывала и выгибалась ему навстречу в безмолвной мольбе. Желание жгло изнутри, щекотало кипучими пузырьками воздуха в горячем источнике. Она хотела этого мужчину, стеснялась своего вождения и одновременно жаждала как-то выразить его. Показать Акио Такухати, что Мия — не безропотная жертва. Что все происходящее — и ее выбор.

— Господин, возьмите меня!

Эта просьба, произнесенная прерывающимся голосом, вызвала на лице мужчины довольную улыбку. Он скользнул вдоль ее тела, касаясь кожи одним лишь жарким дыханием, и навис над Мией. Девушка почувствовала прикосновение члена к своему самому чувствительному местечку и чуть не застонала от нетерпения.

— Можно я буду сверху, господин?

Она подалась вперед бедрами, но Акио снова усмехнулся, покачал головой и легонько укусил ее за губу, обозначая, что сегодня он, и только он, будет все контролировать. Бережно, но непреклонно заставил девушку поднять и свести руки над головой, с легкостью удерживая их одной ладонью.

— Будешь, — пообещал он на выдохе, входя в нее. — В другой раз.

Мия ахнула, подалась ему навстречу, а дальше были только приятная тяжесть тела сверху и восхитительное ощущение наполненности. Акио целовал девушку жадно, почти грубо и яростно врывался в ее тело, вызывая неконтролируемые вскрики. Его пальцы до боли стискивали тонкие запястья. Мия не пыталась освободиться, но ему словно нравилось так утверждать свою власть.

Ощущение чужой плоти внутри сводило с ума, отдавалось во всем теле блаженными разрядами. Внизу живота то скручивало, то отпускало сладостной судорогой.

Девушка задрожала, выгнулась, оплела его ногами, стремясь стать еще ближе, слиться в одно. Он разжал ладонь, и Мия вцепилась в его плечи. Ногти скользнули по смуглой коже, оставляя царапины, Мия вжалась в мужчину, жалобно простонала его имя. Наслаждение прошило тело молнией, оглушило на мгновение. Она всхлипнула и обмякла. Сквозь блаженную истому Мия чувствовала, как он продолжает двигаться в ее теле. Толчки отзывались сладкими спазмами, она тихо стонала ему в губы каждый раз, когда он погружался в нее до конца.

Акио навалился, вдавливая девушку в футон, стиснул так, что стало трудно дышать, громко хрипло выдохнул и замер. А потом медленно вышел из нее и опустился рядом. Обнял, и она в ответ прижалась и положила голову на плечо. Простой, полный доверия жест, всколыхнувший целую бурю чувств в нем.

Было хорошо, но это было какое-то очень непривычное «хорошо», не похожее на апатию, которую он чувствовал после секса с другими женщинами. От нежности к маленькой гейше перехватывало горло, Ледяной Беркут не рискнул бы сейчас заговорить. Это пугало, он не привык испытывать ничего подобного.

Акио стиснул зубы, пережидая непонятный приступ. Это безумие, он одержим. Тянет к Мии, словно курильщика опиума к трубке. И так же хорошо от близости с ней.

Он надеялся, что утоленное желание приглушит развитие болезни, но вышло наоборот. Нельзя было выкупать ее на мидзуагэ, нельзя было спать с ней, нельзя было касаться нежной перламутровой кожи. Мия — яд, сладкий яд, совершенная отравка, призванная свести его с ума.

Но как Акио ни старался, он так и не смог искренне пожалеть о том, что было. Щемящее сумасшедшее счастье накрывало его с головой при взгляде на ее довольное лицо, блестящие глаза и распухшие от поцелуев губы. Он погладил Мию по спине, чуть касаясь кончиками пальцев выступающих позвонков, и девушка потерлась в ответ щекой о его грудь.

Маленькая, хрупкая, такая покорная и сладкая. Его сокровище. Его женщина!

Значит, остается только сдерживаться, чтобы не выглядеть рядом с ней слюнявым идиотом, как те же курильщики в объятиях наркотических грез. И стараться, чтобы Мия не догадалась, насколько он зависим от нее. Держать лицо, давить бредовые признания и нежные слова, что рвутся с языка. Никто не должен знать, что Ледяной Беркут сошел с ума...

— С сегодняшнего дня будешь спать в моей комнате.

Мия вздрогнула. Ей показалось, что она ослышалась. В его комнате? Но почему?

Наложнице надлежит обитать отдельно от господина на женской половине дома. Она подняла голову, поймала взгляд даймё. У него снова было такое непонятное выражение лица. И глаза светились, как два драгоценных камня — красиво и жутко.

— Я вам не помешаю?

— Нет. Хочу, чтобы ты была рядом.

— Хорошо.

Ее снова охватило ощущение неуверенности. В завтрашнем дне, в происходящем, в самом даймё. Мия хорошо знала, как ублажить мужчину ночью, как приветствовать утром, как попроситься.

Но как жить рядом с ним? Что дозволено и что не дозволено делать? О чем она вправе просить?

Этому в «Медовом лотосе» не учили.

В чайные домики приходили за праздником. От гейш ждали флирта, тонкой игры, искусства обольщения, музыки, танцев... Каждый самурай имел возможность в окружении юных прелестниц почувствовать себя императором.

Быть может, Акио ждет, что Мия будет устраивать такую феерию для него одного каждый вечер? Но она не умеет. У нее так мало опыта, да и не справиться с подобным в одиночку. В чайном домике одним клиентом могли заниматься до восьми девушек одновременно.

А вдруг даймё разочаруется в ней и захочет вернуть Мию обратно?

Он взгляделся в ее лицо, помрачнел и спросил резко:

— Не хочешь жить со мной?

Мия растерянно заморгала. Она совершенно не понимала, что она сделала не так, но Акио снова переменился. Теперь его лицо стало бесстрастной маской, и он смотрел на нее холодно и зло.

— Я не знаю, господин, — честно призналась она. — Как я должна вас радовать?

Он удивленно свел брови:

— Радовать?

— Ну... вы же хотите, чтобы я как-то развлекала вас, — сбивчиво начала объяснять девушка. — Я постараюсь, честно. Только говорите мне — как. И не ругайте за ошибки, пожалуйста. Я не умею, но я научусь.

Он тяжело вздохнул. Не было причины для грусти — девочка всего лишь хочет быть удобной для него, все правильно. Наложница и должна стараться стать удобной для господина.

Но Акио все равно ощутил болезненную горечь. Ему хотелось иного от нее. Чтобы Мия счастливо улыбнулась, услышав о его решении. И чтобы сказала совсем другие слова.

— Верю, — это вышло не зло, а печально. — Ты научишься, ты же лучшая ученица.

Глава 12

Наложница

Серезку с противозачаточным заклинанием Акио подарил ей сразу после завтрака.

— Привез тебе подарок из Тэйдо, — пояснил он с кривой улыбкой в ответ на ее вопросительный взгляд. — Давай надену.

Боль кольнула мочку, и в ухе расцвел золотой цветок с крохотными каплями бриллиантовой росы на листьях.

Мия взглянула в зеркало, ощущая странную горечь. Она не чувствовала в себе готовности стать матерью, но этот подарок задел и даже обидел. Как напоминание, что Мия должна знать свое место — место наложницы. А рожать детей ему будет жена из знатного рода.

А потом Акио ушел, оставив Мию почти на весь день. Встреча с советниками, начальником стражи, главой купеческой гильдии, срочные прошения, обеспечение армии, непонятная задержка налогов из северных поселений. У даймё много дел.

Девушка слонялась по замку, чувствуя себя еще более неприкаянной, чем до его возвращения. Юрико пыталась развлечь ее музыкой и чтением стихов, но Мия была рассеянна, почти не слушала, отвечала невпопад, то и дело кидала быстрые взгляды за окно, а когда даймё появился на заднем дворе, и вовсе высунулась почти по пояс.

Она со смутной обидой следила, как Акио направляется стремительным шагом от казарм к хозяйственным складам, как суетится и приплясывает вокруг него господин Масуда собственной низкорослой персоной. Внезапно даймё остановился и поднял голову. Мия шарахнулась от окна и налетела на стену.

— Госпожа, что случилось? — испугалась Юрико.

— Ничего.

Мия снова прокралась к окну и выглянула так, чтобы ее нельзя было заметить со стороны двора, но Акио уже ушел.

— Вы смотрели на господина? — догадалась служанка. — Я тоже иногда так делаю. Он такой, такой... Только всегда сердится, если замечает. Говорит, чтобы не пялилась и шла работать. — Юрико восторженно вздохнула. — Ах, госпожа, вы счастливица...

Мия фыркнула. Ее неожиданно взяла досада, и девушка поклялась себе, что больше не взглянет лишний раз в сторону даймё. Пусть он занимается своими делами, а она будет заниматься своими.

Но дел у Мии не было.

У майко или гейши много обязанностей и почти нет прав. Жизнь наложницы оказалась зеркальным отражением прежней жизни. От Мии никто ничего не требовал, и сотни слуг Инуваси-дзё были готовы исполнить любую прихоть девушки по первому слову. Только пожелай.

Но чего желать, когда она сыта, одета изысканней придворной дамы? Когда к ее услугам множество музыкальных инструментов, свитки с романами и поэмами, рукоделие, если госпожа наложница пожелает им заняться, или любое другое развлечение, которое приличествует знатной женщине?

А Мии было скучно.

Она не привыкла к излишку свободного времени. Безделье, которым так кичились иные высокоросленные, угнетало девушку. Ей не хватало дружеского общения и участия. Юрико,

при всей ее доброжелательности, не уставала подчеркивать, что она не ровня госпоже. Мия задумчиво ковыряла иголкой вышивание и вздыхала, вспоминая резкую, импульсивную Кумико или веселого Дайхио.

Где они теперь?

Девушка попробовала вернуться к танцам — занятие, которое всегда дарило ей особую радость, но оказалось, что в замке нет музыкантов. Госпожа Масуда предложила вызвать артистов из Асикавы, но Мия представила, сколько суеты поднимется, как будут бегать и готовить зал для занятий служанки, как отправят посыльных в город, привезут музыкантов — их ведь и поселить где-то нужно. Весь замок будет знать, что госпожа наложница занимается танцами, еще и подглядывать начнут, обсуждать...

Представила все это — и отказалась.

Плохо было, что Мия сама не понимала до конца, что ей позволено как наложнице и в каких пределах. И мысленно сравнивала себя с бесполезной красивой безделушкой в жизни даймё.

Не с кем было поговорить, не к кому обратиться. На холодном неласковом Эссо вовсю бушевала весна, и казалось, что жизнь проходит мимо, касаясь лица краешком рукава. Снова вернулось тоскливое чувство беспомощности, ощущение, что Мия ничего не решает в своей судьбе.

И ведь не на что жаловаться! Одетая, обутом, сыта. Слуги обращаются к ней, как к знатной даме, мужчина рядом — предмет тайных вздыханий половины женщин острова. А она опять несчастна.

Неблагодарная!

Кроме Мии, в Инуваси-дзё не было бездельников. Каждый житель замка, от служанки, драившей полы, до даймё, занимал свое место в четко отлаженном механизме. И на фоне этой всеобщей занятости девушка особо остро ощущала свою бесполезность и ненужность.

Единственную свою обязанность — отдаваться господину — Мия не могла воспринимать как обязанность. Обязанность — что-то скучное, неприятное, но необходимое. Она же дарила ласки искренне, с наслаждением. Таяла под поцелуями, хмелела от его низкого хриплого голоса, подчинялась, готовая исполнить любое его желание. И с восторгом ловила выражение блаженства на его лице, когда они становились единым целым.

Он был страстным и неутомимым любовником. Властным, но заботливым. Секс с ним открывал ей новые, неизведанные грани собственной чувственности. Мия не узнавала себя, такой изобретательной и бесстыдной она становилась в его объятиях.

Но стоило ему утолить голод, как Акио снова замыкался. Это ранило, обижало до слез. Мия знала, что не имеет права претендовать на что-то еще, он и так давал ей куда больше, чем может ожидать наложница от самурая. И все же от его холодности было больно.

После близости он часто дарил подарки. Мия принимала их — наложнице нельзя не принять подарок своего господина. Но девушка не могла избавиться от унижительного чувства, что он только что заплатил ей за секс.

Как гейше.

Она прятала драгоценности в шкатулку и мечтала забыть о них. Благо даймё не требовал, чтобы Мия носила подаренные украшения.

Акио Такухати все так же вызывал у нее противоречивые чувства. Они жили рядом, спали в одной постели, занимались сексом, но оставались чужими друг другу. Бывало, что он почти демонстративно не замечал Мию. Тогда ей хотелось уйти, сбежать, навсегда покинуть

проклятый Эссо, забыть его холодную красоту и его повелителя. В иные минуты даймё, напротив, смотрел на нее так, будто на свете нет ничего интересней и значимей Мии. Тогда она ощущала себя самой прекрасной и желанной женщиной в мире. И это тоже пугало, потому что было самообманом.

Энергия и ритм жизни даймё восхищали. Казалось, Акио знал по именам и в лицо всех солдат своей армии и слуг в замке, помнил, кому и когда отдал какое распоряжение, кто справился, а кто проявил себя не лучшим образом.

Он вставал в пять утра, шел на двухчасовую тренировку, потом выливал на голову ведро ледяной воды, переодевался и до обеда успевал побеседовать со всеми советниками, просителями и подчиненными, вникнуть в каждую проблему и решить ее в своей обычной манере — быстро и жестко. После обеда приходило время работы с бумагами. Акио разбирал бесконечные прошения, жалобы и предложения. Потом еще одна тренировка, легкий ужин и несколько коротких часов перед сном, которые он мог посвятить себе.

Родовая магия словно накладывала свой отпечаток на личность Акио Такухати. Мия чувствовала опасливое восхищение его страшной силой — силой холодных северных штормов и ледяного ветра. Трепет перед умением быть непреклонным, решать любые задачи, давить, гнуть и ломать других людей.

Порой ей казалось, что первым человеком, которой изведал эту силу даймё и подчинился ей, был он сам. Тот незнакомец, который иногда мелькал за высокомерной и отстраненной маской.

Она хотела бы увидеть его, узнать поближе. Заслужить доверие. Но как Мия ни пыталась, все ее попытки наталкивались на стену, которую Акио возвел вокруг своей души.

Одержимость усиливалась с каждым днем. Потребность видеть Мию, слышать ее голос приобретала размер болезненной мании. В минуты просветления Акио с ужасом понимал, что готов сделать что угодно, лишь бы вызвать на ее лице счастливую улыбку.

Болезнь. Сумасшествие.

Войдя в помещение, он первым делом инстинктивно искал глазами свою наложницу. Вглядывался в лицо, когда она спала, словно силился запечатлеть навсегда в памяти эти черты. Она бывала веселой, хмурой, серьезной, иногда даже сердитой, но всегда бесконечно милой. И грозный даймё Эссо стискивал зубы и отводил взгляд, пережидая приливы неконтролируемой мучительной нежности.

В надежде избавиться от наваждения он уходил в дела и тренировки. Старался не обращать на нее внимания, чтобы не выдать случайно позорной слабости. И только в мгновения, когда она была в его объятиях, Акио давал волю постыдному и сладкому чувству. Ласкал ее, выцеловывая каждый пальчик, каждую клеточку тела, разбирал волосы по прядкам, снова и снова доводил до высшего наслаждения. И отворачивался после, стараясь подавить глупые признания.

А Мия день ото дня становилась все печальнее. Ее не радовали новые наряды. Украшения вызывали на лице бледную дежурную улыбку, она кланялась, говорила «спасибо, господин», и Акио понимал — не то. Она положит очередной подарок в шкатулку к другим драгоценностям и забудет.

Что ей нужно? Он хотел, чтобы Мия была счастлива, ее улыбка была нужна ему почти так же, как воздух! Но что нужно ей — маленькой, такой хрупкой и такой сильной, так не похожей на всех остальных женщин, когда-либо бывших в его жизни? Почему ей плохо с ним,

он же старается, чтобы у нее было все?

Ми-я... Его солнце, его счастье, его сокровище.

На пятый день Мия поняла: еще немного и она взвоят от вынужденного безделья. Стены замка давили, в окно заглядывали ветра, приносили запах почти отцветшей сакуры, звали прогуляться по холмам. Госпожа Масуда, вздохнув, выделила девушке двух уже знакомых самураев. Но в тот момент, когда они почти пересекли двор и подошли к центральным воротам, судьбе было угодно столкнуть Мию с Акио Такухати.

— Куда собралась?

Мия даже споткнулась, напоровшись на злой голос, как на нож. Он стоял у нее на пути, перекрыв дорогу, и смотрел так, словно поймал на месте преступления.

— На прогулку. — Она услышала в своем голосе просительные нотки, как будто и правда была застигнутой преступницей, и рассердилась. — Госпожа Масуда разрешила...

Он сжал челюсти так, что желваки заиграли под кожей.

— Она не госпожа, Мия! Твой даймё я, только я могу что-то разрешить тебе делать. Никаких прогулок. Пошла домой! Я скажу страже, чтобы тебя не выпускали.

Мия развернулась и побрела обратно. Хотелось разрыдаться от несправедливости полученной выволочки. За что он так с ней? Она же не хотела ничего плохого! Неужели теперь ее судьба вечно сидеть в четырех стенах и развлекать даймё, когда тот пожелает плотских утех?

Чтобы никто не видел, она забилась в комнату для хозяйственных нужд в дальнем крыле замка. Свернулась калачиком на циновке в углу и уже там дала волю слезам, оплакивая глупые девичьи мечты. Зря она надеялась стать для Акио Такухати чем-то большим, чем просто постельной игрушкой. Да, даймё одержим ее телом, но и только. Однажды он насытится и выкинет ее из своей жизни.

Верно говорили в школе. Нельзя доверять мужчинам. Они предают, используют и бросают. Да, формально Акио Такухати выполнил свою клятву — он не бил, не насиловал и не унижал Мию.

Но обидеть можно не только действием. Иногда невнимание обижает сильнее.

Наплакавшись вволю, она уснула.

Проснулась Мия оттого, что стало жарко. Отбросила в сторону тяжелое шерстяное одеяло и села, удивленно моргая.

Она помнила, что уснула на циновке, но сейчас под ней был futon. И даже вышитая подушечка под головой, а рядом валялось одеяло.

Знакомая обстановка подсказала, что Мия в спальне даймё. За наполовину задвинутыми ставнями сгущались сумерки, и комнату освещал дрожащий огонек в масляной лампе.

Но как она здесь оказалась, если уснула совсем в другом месте?

Со второго взгляда Мия поняла, что она не одна в комнате. Акио сидел на futone рядом и смотрел на нее внимательным тяжелым взглядом.

— Господин Такухати!

— Проснулась? Хорошо.

Судя по его тону, все было совсем нехорошо.

— Как я здесь оказалась?

— Я принес тебя. — Теперь голос Акио был просто ледяным.

— Ясно.

Он зло сощурил глаза.

— Ясно? А мне нет! Что это за фокусы, Мия? Моя наложница не должна спать на полу в чулане.

Мия опустила взгляд. От его суровости снова захотелось разрыдаться.

— Простите. Больше не повторится.

Акио медленно выдохнул, словно пытался успокоиться.

— Ты плакала. Почему?

Мия пожала плечами. Любое объяснение прозвучало бы как претензия, а разве у нее есть право их предъявлять?

— Я задал вопрос!

— Простите, — буркнула она, отводя взгляд. — Это тоже больше не повторится.

— Какого... — Владевшая им ярость прорвалась наружу. Даймё с размаху саданул рукой по стене, разбив в кровь костяшки, и вскочил. Его лицо было искажено, магический огонь в глазах полыхал так ярко, что казалось, синева заливаает глазницы. Мия съежилась, отползла в угол.

Она только раз видела Акио Такухати в таком гневе. В тот вечер, когда он унизил ее, а потом овладел.

— Чего ты хочешь? — прорычал он. — Что тебе нужно, Мия?!

— Простите... — Мия всхлипнула и заревела.

Акио сжал кулаки и выругался, беспомощно глядя на рыдающую девушку. Прошелся по комнате, усмиряя гнев, снова опустился на татами рядом.

— Мия...

Она шарахнулась от протянутой ладони. Мужчина тяжело выдохнул и привалился к стене.

— Чего ты хочешь, Мия? — с болью в голосе повторил он. — Чего тебе не хватает?

— Простите...

— Это я уже слышал. Будем считать, что простил. — Он шумно выдохнул несколько раз, успокаиваясь. — Итак, — голос зазвучал равнодушно и жестко, — почему ты рыдаешь в чулане? И почему шарахаешься от меня? Разве я не клялся не причинять тебе вреда?

Она сглотнула и постаралась взять себя в руки. Гнев даймё пугал, но бесстрастный тон ранил сильнее. Всякий раз, когда Акио становился таким отстраненным и высокомерным, у Мии появлялось ощущение, что она бьется всем телом о глухую стену.

Зачем? Для чего пытаться стать близкой с мужчиной, которому эта близость не нужна? Зачем протягивать свое сердце в ладонях тому, кто швырнет его в грязь? Акио нужно ее тело, нужна послушная красивая игрушка в постели? Пусть так. Мия тоже научится равнодушию.

У нее получилось ответить так же безразлично и холодно:

— Глупая женская истерика, мой господин. Больше не повторится.

Акио дернулся, как от пощечины.

— Позвольте, я приведу себя в порядок. — Она встала.

— Мы не договорили.

Он тоже встал.

— Что еще угодно господину?

— Прекрати! — Акио надвинулся, взял ее за плечи, стиснул до боли, встряхнул. — Посмотри на меня!

Она неохотно подняла лицо. Под его горящим взглядом удерживать почтительную безучастную маску было непросто.

— На меня, а не сквозь меня, Мия!

— Я смотрю, господин.

— Хватит! — Он навис сверху — опасный, непонятный, требовательно заглядывая в ее лицо. — Хватит изображать образцовую наложницу!

— Вы же сами хотели... — Надолго ее не хватило, губы снова начали дрожать.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива, а не плакала, — тихо сказал Акио. — Что не так, девочка?

И столько внезапной нежности было в этом коротком «девочка», что Мия растаяла и раскрылась.

— Я вам не нужна, — выдавила девушка. — Я никому здесь не нужна.

Его зрачки расширились. От изумления даймё даже ослабил хватку.

— Что за чушь! Ты нужна мне!

— Вы не обращаете на меня внимания.

— Я провожу с тобой каждую ночь!

— Вы не обращаете на меня внимания, — с отчаянием повторила она. — Не разговариваете, только приказываете. Гоните из комнаты, когда заняты. Не замечаете, пока я вам не понадоблюсь...

Мия говорила торопливо, пытаясь выплеснуть наболевшее. Рассказать о горьком чувстве одиночества и неприкаянности, которое испытывала последние дни. О том, как невыносимо быть бесполезной. Как Мия чувствует себя пустым местом, когда Акио не замечает ее, находясь в той же комнате. И как больно и обидно, когда он отворачивается и засыпает сразу после секса или уходит по своим делам, не подарив даже поцелуя на прощанье.

[Купить полную версию книги](#)